

ВЕДЬМИНЫ СКАЗКИ

КРАМ ОРАКУЛОВ

Kerelinda

Wotson

Kerelinda Wotson

Храм оракулов

«Автор»

2026

Wotson K.

Храм оракулов / К. Wotson — «Автор», 2026

Она была богиней, но боги отвернулись от неё. Она могла стать демоном, но демоны изгнали её. Сотни лет Сюаньэ жила в храме на горе Куньлунь, собирая древние знания и пряча боль под лиловым взглядом. Пока однажды у ворот не появился Мо — беглый сын знатного рода, ищущий не просто знаний, а ответа на вопрос, который мучит его с детства. Сюаньэ предлагает ему сделку: она расскажет сказки о богах и героях, о любви и предательстве, о том, как мир родился из крика Пань-гу и как Нюйва чинила небо. А взамен Мо должен принять её тёмную силу — и, возможно, освободить её от вечного одиночества. Храм Оракулов - это не просто пересказ древних мифов. Это история о принятии себя, о прощении и о том, что даже отверженные могут стать звёздами. Для тех, кто верит, что тишина громче слов, а сказки — единственная правда, которую мы готовы услышать.

© Wotson K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Как все начиналось	6
История первая, как создавался мир	8
История вторая, как Фуси приручил огонь и подарил людям судьбу	11
История третья, как Шэньнун попробовал все травы и нашёл лекарство от смерти	14
История четвертая, как Хуан-ди победил хаос и научил людей сражаться	17
История пятая, как Юй укротил потоп и научил людей не спорить с водой	20
История шестая, как Нюйва починила небо и почему женщинам доверили лепить людей	23
История седьмая, как Фуси и Нюйва подарили миру песню и лук	26
История восьмая, как Чаньэ спустилась на землю и выбрала жрицу для Лунного храма	30
История девятая, как Юэ нашла эликсир, убила демона и стала богиней, которой не нужно небо	33
История десятая, как Сюаньэ отвергли небеса, изгнали демоны и как она стала никем	36
История одиннадцатая, как Царь обезьян научил Сюаньэ управлять своей силой	39
История двенадцатая, как Сюаньэ приручила первого дракона	42
История тринадцатая, как Шэньлун сразился с небесным полководцем	47
История четырнадцатая, как Мо встретил лису-оборотня	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Kerelinda Wotson

Храм оракулов

«Ведьмины сказки» Версия «Храм оракулов» 2026

От автора

В этой книге у сказок появляются хранители — Сюаньэ, богиня, отвергнутая небесами, и её ученик Мо. Они не становятся главными героями в привычном смысле. Через их голоса древние сюжеты обретают новую форму, сохраняя связь с традицией и вместе с тем становясь частью авторского сказочного мира.

Некоторые истории могут показаться вам знакомыми, другие, возможно, прозвучат впервые. Эта книга не является научным или этнографическим исследованием: перед вами художественное прочтение мифологических сюжетов, созданное прежде всего ради атмосферы, образов и живого сказочного звучания.

Если в тексте встретятся незнакомые имена, понятия или образы, в конце книги вы найдёте краткие примечания.

Приятного путешествия на гору Куньлунь.

Как все начиналось

Странствия. Века. Откровения, обратившиеся в пепел, и рассказы, что осели на дно души. Всё это я принесла на Куньлунь — в мёртвый храм забытой лунной богини. Здесь я замерла. Здесь в ледяном безмолвии мне открылось знание — и эликсир бессмертия обжёг гортань. А потом началось ожидание.

Время перестало существовать. Я лишь записывала собранное — и слушала тишину. Она была густой, как старая кровь. В беседке на возвышении, откуда открывался вид на призрачное цветение у подножия, я сидела в дождливый день — такой же серый и бесконечный, как все до него. Чай стыл в чашке. И вдруг — резкий, надтреснутый звон колокольчика прорезал морось.

— Неужели дождалась, — выдохнула я, и слова утонули в дожде. Сделала глоток — медленный, до дна. Тишина. Звон не повторился. Я отставила чашу и ступила под дождь.

Он стоял у ворот, вцепившись в дорожный посох. Семнадцать? Девятнадцать? Мальчик, в чьих глазах застыла вековая усталость — усталость прочитавшего то, что не следовало читать. Лицо — бледное, с резкими, почти надменными чертами: хищный излом скул, прямой нос, тонкие, бескровные губы. Ни следа солнца. Руки — бледные, с длинными пальцами, созданными для кисти и свитков, но изуродованные верёвочными мозолями.

Одежда кричала о падении. Выцветший конопляный халат, штопанный-перештопанный, но воротник и манжеты — если взглянуть во тьму — подшиты шёлком, тонким, как шёпот. Нижняя рубаша из пожелтевшего хлопка — выглажена до хруста, словно саван. Пояс — грубая пеньковая верёвка. И на ней — нефритовый амулет: разломанная книга. Камень высшей пробы — нарочно исцарапан, нарочно заляпан грязью, будто красота здесь была преступлением.

— Кто ты, путник? Чего ищешь в священном храме? — мой голос упал с верхней ступени, как камень.

— Приветствую вас, — он поклонился ровно настолько, чтобы не уронить достоинство. — Меня зовут Мо. Слухи донесли: в храме поселилась шаманка, собравшая неведомое и нашедшая эликсир. Но я вижу перед собой богиню. Неужели я ошибся?

— Вот, значит, как обо мне шепчутся. Простая шаманка, — я шагнула к нему, и он застыл, не в силах оторвать взгляд. — Печально.

Он смотрел. Я позволяла. Если он пришёл за моими знаниями — пусть с первого вдоха привыкает к тому, кто перед ним.

Лиловые глаза. Зрачки — вертикальные, звериные, сужаются не от света, а вбирая лунное сияние. Во тьме они мерцают аметистовым огнём, холодным и чуждым. Волосы — чёрные, как бездна, уложены в высокую причёску «облака бессмертных», но пронзают её не золотые шпильки — заколки из чёрного нефрита, полумесяцы и обугленные ветви корицы, тронутые пламенем иного мира.

Халат цвета полуночной сливы — почти чёрный, но стоит упасть лунному лучу — проступает фиолетово-синий траурный отлив. Широкие рукава «летучей мыши», шлейф тяжёлого бархата волочится за ней, расшитый серебряной паутиной и падающими звёздами. На плечах — дымчато-серая накидка с обожжёнными краями, будто вырванная из пожара. Широкий пояс чёрной кожи. Три подвески-полумесяца: белая, зелёная, чёрная. Сталкиваясь, они звенят не нежно — глухо, надтреснуто, как разбитое стекло.

Она не парит. Её подол тащится по камням, оставляя за собой иней — но он чернеет и исчезает через мгновение, будто сама земля отторгает этот след. Она не улыбается. Лишь кривит губы, и в уголках рта сгущаются тени — осколки мёртвой луны.

— Что ж, — мой голос был тих, но воздух вокруг задрожал. — Если ищешь знаний — я поделюсь. Но знание — не дар. Какую цену ты готов заплатить?

Мо не дрогнул. Бледный, как покойник, но без страха в голосе.

— Я простой смертный. Нет у меня артефактов, магия мне неподвластна. Всё, что могу отдать, — жизнь.

— Решительно, — я медленно, как змея, протянула руку. — Это мне по душе.

Он не колебался ни мгновения. Шагнул в пустоту между нами и вложил ладонь в мою. И тотчас на его поясе, рядом с разбитой книгой, материализовалась подвеска — полумесяц из чёрного нефрита, жадно впитавший каплю его тени.

— Это твой путь обратно. У тебя есть день, чтобы проститься с теми, кто ещё держит тебя в мире живых, — я разжала пальцы. — А потом начнётся обучение.

— Как мне вас называть?

— Моё имя — Сюаньэ.

Я отступила. Он не заметил, как я растворилась в стене дождя, стала частью серого воздуха, развоплотилась у него на глазах. Он всё ещё смотрел на пустую беседку, а я уже входила под своды зала оракулов. Вспыхнула первая свеча — резко, с треском, будто вскрикнув.

Всё повторяется вновь. Ну вот. Начинается.

История первая, как создавался мир

Луна догорала за круглым окном, затянутым рисовой бумагой. Сюаньэ сидела на краю каменного подиума, поджав ноги, и нефритовые полумесяцы на её поясе тихо позвякивали, когда она наклонялась к чайной пиале.

— Ты спрашивал, откуда приходят знания, — сказала она, не глядя на Мо. — Они приходят из первого утра. А то утро началось с крика.

Она отпила чай, и тени на её лице словно углубились.

— Я расскажу тебе то, что не пишут в свитках. То, что шепчут старые камни на дне Восточного моря.

Мо расположился напротив, положив котомку с книгами на колени. Он уже знал: когда Сюаньэ говорит так — медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, — лучше не перебивать.

В начале не было ничего. Даже пустоты. Это называлось Хаос — Хуньдунь¹. Он не имел ни формы, ни цвета, ни запаха. Он просто был — как сон без сновидца.

В этом сне свернулся клубком Пань-гу. Он спал восемнадцать тысяч лет². И ещё восемнадцать тысяч. А потом проснулся.

Тьма была плотной — её можно было потрогать. Пань-гу пошевелился и понял: он не может разогнуть ни рук, ни ног. Вокруг была скорлупа — твёрдая, как нефрит, и тягучая, как смола. Яйцо Хаоса.

— Мне тесно, — сказал Пань-гу.

Его голос прокатился внутри яйца, но никто не услышал.

Тогда он нащупал рядом с собой топор. Тот появился сам — из желания быть свободным. Не оружие, не инструмент — сама воля, ставшая железом. Пань-гу размахнулся и ударил.

Скорлупа треснула. Свет хлынул внутрь — такой яркий, что Пань-гу зажмурился. Лёгкое поднялось вверх и стало Небом. Тяжёлое опустилось вниз и стало Землёй.

Но Небо и Земля хотели сомкнуться снова. Они помнили, что были едины, и тянулись друг к другу, как разлучённые любовники. Тогда Пань-гу встал между ними.

Он рос. Каждый день Небо поднималось на один чжан, Земля опускалась на один чжан, и Пань-гу вытягивался на один чжан. Он стоял так восемнадцать тысяч лет. Ноги уходили в глину, руки подпирали небесный свод. Он не ел, не пил, не спал. Только дышал.

Его выдохи стали ветрами. Вдохи — тишиной. Когда он моргал, на Небе вспыхивали молнии. Когда вздыхал — по Земле разливались туманы.

Но даже бессмертный устаёт. В день, когда Небо и Земля застыли на расстоянии девяти тысяч ли друг от друга, Пань-гу упал. Падал долго — целый год. А когда его тело коснулось Земли, оно рассыпалось.

Из левого глаза выкатилось Солнце. Из правого — Луна. Кровь разлилась реками. Жилы стали подземными водами. Плоть превратилась в почву. Волосы упали на землю и проросли лесами. Зубы и кости сплавились в скалы. Костный мозг растекся нефритом и серебром.

Дыхание, которое он не выдохнул при жизни, осталось в пещерах и стало ветрами подземелий. А голос? Голос Пань-гу не умер. Он разбился на тысячи осколков, и каждый осколок стал душой. Так появились первые духи — шэнь и гуй. Те, кто взял осколок света, стали небожителями. Те, кто взял осколок тьмы, — демонами.

Но был один осколок, который не выбрал ничего. Он зарылся глубоко в землю и ждал.

Мо поднял голову:

— Что это за осколок?

Сюаньэ улыбнулась уголком губ. Её лиловые глаза блеснули в свете селенитовой лампы.

— Это я. Или не я. Этот осколок стал первым человеком. Потому что человек — тот, кто не знает, свет он или тьма. Он просто живёт между ними.

— Значит, люди родились из голоса Пань-гу? — тихо спросил Мо.

— Из его крика. Из того самого крика, которым он сказал: «Мне тесно». Каждый человек рождается с этим криком внутри. Поэтому мы постоянно хотим больше места — в душе, в сердце, в мире.

¹ Хуньдунь — в китайской мифологии первозданный хаос, из которого родился мир. Часто изображается как яйцо или бесформенная масса.

² Восемнадцать тысяч лет — в мифах Китая это число символизирует бесконечность и полноту цикла (18 = 9 × 2, где 9 — священное число).

Сюаньэ взяла со столика маслину в меду и положила в рот.

— Есть ещё кое-что, — добавила она, жуя. — Когда Пань-гу упал, с его тела слетели насекомые, которые жили в шерсти. Они превратились в первых драконов. А блохи стали тиграми. Вот почему тигры такие злые, а драконы — мудрые. Пань-гу чесался, когда спал в яйце.

Мо рассмеялся — негромко, но искренне.

— Ты не веришь? — спросила Сюаньэ. — Не веришь, что мир родился из зуда?

— Верю, — сказал Мо. — Потому что ты рассказываешь.

— Тогда слушай дальше.

Когда первые духи увидели, что мир пуст, они позвали женщину по имени Нюйва. Она слепила из жёлтой глины людей — тех, кто не был рождён из крика. Она лепила их руками, и они были маленькими и глупыми. Но умели радоваться. И это было хорошо.

А потом Нюйва устала. Она бросила верёвку в грязь и взмахнула ею. Капли грязи стали знатью. Так появились те, кто считает себя выше других.

— И твой род, — тихо сказал Мо.

Сюаньэ промолчала. Её пальцы коснулись нефритового полумесяца на поясе.

— И мой род, — наконец ответила она. — И твой тоже. Мы все из грязи или из крика. Разница только в том, помним ли мы об этом.

Она встала, подошла к окну и отодвинула бумагу. Небо за окном начинало светлеть. Последние звёзды таяли, как льдинки в чае.

— Тебе пора, Мо. Ты искал знания о начале мира. Теперь ты знаешь: в начале был крик, теснота и топор.

Юноша поднялся, поклонился — неглубоко, как простой торговец, но Сюаньэ заметила, как выпрямилась его спина.

— Почему ты рассказала мне это? — спросил он. — Ты не похожа на тех, кто дарит ответы просто так.

Сюаньэ обернулась. Её лицо было наполовину в тени.

— Потому что ты ищешь не то, что нужно. Ты ищешь знания в книгах. А знания живут там, где было тело Пань-гу. В камнях. В реках. В зуде.

Она помолчала.

— И ещё. Когда я была смертной, я тоже задавала этот вопрос. Никто не ответил мне. Теперь отвечаю я.

Она махнула рукой, и дверь зала оракулов открылась сама собой.

— Иди. И помни: мир родился не из гармонии. Он родился из того, что кому-то стало тесно.

Мо вышел во двор, где пахло сухими хризантемами. За его спиной Сюаньэ тихо добавила:

— И когда тебе станет тесно в твоём знатном роду, который ты так старательно прячешь... вспомни Пань-гу.

Он замер на мгновение, но не обернулся. Дверь закрылась с глухим стуком нефритовых полумесяцев.

История вторая, как Фуси приручил огонь и подарил людям судьбу

Храм оракулов стоял на вершине холма, поросшего коричневыми деревьями. В отличие от обители Чаньэ, здесь не было ни лунного камня, ни белых циновок. Вместо них — черепаховые панцири на низких столах и гадательные кости, ещё хранившие тепло углей.

Мо вошёл, стяхивая с бамбуковой шляпы вечернюю росу.

Сюаньэ уже ждала его. Сегодня она была не в тёмно-фиолетовом халате, а в чёрном, с вышитыми серебром триграммами. Глаза — лиловые, как всегда, но в них мерцало что-то новое. То ли отсвет огня, то ли древний жар.

— Садись, — сказала она, указывая на подушку из рисовой соломы. — Ты пришёл в храм оракулов. Значит, хочешь узнать о судьбе.

— Я хочу узнать, как судьба появилась. Кто первый спросил у неё дорогу?

Сюаньэ усмехнулась и подбросила в бронзовую чашу щепотку сухих листьев. Те вспыхнули, и дым потянулся к потолку, складываясь в извивающуюся ленту.

— Судьбу не спрашивают, странник. Её берут. Или не берут. Но первым, кто осмелился взять её в руки, был Фуси.

Она замолчала, глядя на танцующее пламя.

— Слушай.

После того как Пань-гу рассыпался, а Нюйва слепила людей из глины, мир был ещё диким. Люди жили в пещерах, ели сырое мясо и не знали, что такое завтра. Они боялись грома и не понимали, почему реки текут, а звёзды движутся.

И тогда среди них родился Фуси.

Он не был похож на других. Тело — человеческое, но хвост — длинный и чешуйчатый, как у дракона. Он появился на свет в болотах, где небо встречается с водой, и первое, что увидел, — паутина, натянутая между двумя тростниками. В каплях росы на ней отражался весь мир: горы, облака, рыбы и птицы.

— Всё связано, — прошептал Фуси и запомнил это.

Он рос быстро. В три года научился читать следы зверей. В пять — различать голоса ветра. В семь сплёл первую верёвку из конопли и завязал на ней узел, чтобы не забыть, сколько дней прошло от одного полнолуния до другого.

Но главное открытие ждало его в горах.

Однажды, преследуя раненого оленя, Фуси забрёл в ущелье, где земля дышала дымом. Из трещин в скалах вырывался жар, от которого плавилась глина. Это был огонь — сын молнии, заточённый в недрах. Люди бежали от него, потому что огонь жёг и пожирал леса.

Фуси не побежал. Он сел напротив самого большого пламени и спросил:

— Зачем ты жжёшь?

Огонь зарычал и выбросил язык в сторону юноши. Фуси не отодвинулся. Тогда пламя стихло и ответило:

— Я жгу, потому что я голоден. Я ем лес, траву и шерсть зверей. Никто не дал мне другой пищи.

— А если я дам тебе пищу, которая не сжигает мир? — спросил Фуси.

Огонь заколебался. Никогда прежде его об этом не спрашивали.

Фуси отрезал кусок оленьего мяса, насадил на палку и протянул в пламя. Мясо зашипело, почернело, но потом запахло так, что у самого Фуси потекли слюнки. Он вытащил палку, остудил мясо и съел.

— Это вкусно, — сказал он. — Ты можешь готовить пищу, а не жечь леса. Согласен?

Огонь удивился. Он никогда не пробовал готовить. Но ему понравилось, как мясо отдаёт ему часть своего сока. С тех пор огонь согласился жить рядом с людьми — в очагах, в жаровнях, в кузницах. А взамен люди кормили его дровами и маслом.

Но Фуси не остановился. Он понял: если огонь можно уговорить, то и реки можно заставить течь в нужную сторону. И горы — расступаться. И судьбу — подчиниться.

Он пошёл на восток, к реке Ло. Там, из воды, поднялся конь-дракон³ с узором на спине. Узор был из точек и чёрточек — восемь триграмм⁴. Фуси смотрел на них три дня и три ночи, а потом засмеялся.

— Это и есть судьба! — воскликнул он. — Не то, что предрешиено, а то, что можно вычислить.

Он снял кору с дерева и нарисовал восемь знаков: ☰ (небо), ☷ (земля), ☳ (гром), ☶ (ветер), ☵ (вода), ☲ (огонь), ☴ (гора), ☱ (озеро). И сказал людям:

³ Конь-дракон из реки Ло — в классической мифологии Фуси действительно получил триграммы от мифического существа. В разных версиях это был конь-дракон или черепаха.

⁴ Восемь триграмм (багуа) — основа древней китайской «Книги Перемен» (Ицзин). Каждая триграмма состоит из трёх линий (сплошных или прерывистых) и символизирует одно из фундаментальных явлений: небо, землю, гром, ветер, воду, огонь, гору, озеро. Их сочетания образуют 64 гексаграммы, по которым гадают до сих пор.

— Всё, что происходит, складывается из этих восьми. Если ты знаешь, как они движутся, ты знаешь будущее.

Люди не поверили. Тогда Фуси взял три палочки, бросил их на землю и предсказал, что через три дня пойдёт дождь, хотя небо было чистым. На третий день хлынул ливень. Он предсказал, что рыбаки поймают осетра с золотой чешуёй, — и они поймали. Он предсказал, что старый дуб упадёт на восток, — и тот упал.

— Как ты это делаешь? — спросил вождь племени.

— Я не делаю, — ответил Фуси. — Я читаю. Мир написан теми же триграммами. Нужно только уметь смотреть.

И тогда люди попросили его научить их. Так появилось гадание — не магия, а разговор с судьбой.

Но была у Фуси и тёмная сторона. Ведь он был получеловеком-полудраконом. Драконья кровь шептала ему: «Ты можешь не только читать судьбу, но и менять её. Для себя. Для тех, кого любишь».

Фуси полюбил девушку из своего племени. Её звали Нюйва — та самая, что лепила людей из глины. Но она была его сестрой. Драконьи законы позволяли такое, человеческие — нет. Фуси мучился. Он взял триграммы и спросил у них: можно ли ему взять Нюйву в жёны?

Триграммы ответили молчанием.

Тогда Фуси понял: даже тот, кто читает судьбу, не может переписать главные строки. Он заплакал и ушёл в горы. А когда вернулся, придумал для людей правила брака — чтобы никто больше не мучился таким выбором.

— Зачем ты рассказываешь мне это? — спросил Мо.

Сюаньэ подбросила в чашу новые листья. Пламя взметнулось, и в нём на миг показался хвост дракона.

— Затем, что ты ищешь знание. Фуси тоже искал. Он нашёл огонь, триграммы и судьбу. Но не нашёл покоя. Потому что знание не лечит сердце. Оно только показывает, где болит.

— А что лечит?

Сюаньэ встала, подошла к черепаховому панцирю и провела пальцем по трещине.

— Действие, — сказала она. — Фуси перестал гадать и начал делать. Он сплёл первую сеть для рыбы. Он приручил животных. Он обучил людей шелководству. Он сделал больше, чем все оракулы вместе взятые.

Она повернулась к Мо. Её лиловые глаза светились в полумраке.

— Помни: судьба — это не то, что написано на небе. Это то, что ты вышиваешь на земле. Фуси дал людям нитки и иглу. Остальное — за тобой.

Мо молчал долго. Потом спросил:

— А что случилось с Фуси в конце?

Сюаньэ улыбнулась — впервые за весь вечер, но улыбка была горькой.

— Он ушёл на восток, туда, где море встречается с небом. Говорят, он превратился в дракона и улетел за горизонт. А его триграммы остались. Ими до сих пор пользуются те, кто хочет узнать будущее, не понимая, что будущее уже началось.

Она задула свечу.

— Ступай, Мо. Завтра я расскажу тебе про Шэньнуна — того, кто попробовал все травы. А сегодня спи.

Мо поклонился и вышел в ночь. Над храмом оракулов горели звёзды, и они складывались в восемь знаков. Но юноша не умел их читать. Пока не умел.

История третья, как Шэньнун попробовал все травы и нашёл лекарство от смерти

Солнце ещё не село за коричные деревья, но храм оракулов уже заливало оранжевым светом — густым, как отвар куркумы. Мо вошёл раньше обычного и застал Сюаньэ сидящей на низком помосте. Она перебирала сухие корешки в глиняной чашке. Чёрный халат с серебряными триграммами был распахнут, и под ним виднелась простая конопляная рубаха — как у крестьянки.

— Ты рано, — сказала она, не поднимая глаз. — Соскучился по сказкам?

— Я слышал, что есть бог, который пробовал яд и не умер, — ответил Мо, садясь на циновку. — Расскажи о нём.

— О Шэньнуне? — Сюаньэ усмехнулась и отложила корешки. — Божественный земледелец. Тот, у кого живот был прозрачным, как нефрит. Хочешь узнать, каково это — видеть, как отравы проходят по твоим внутренностям?

Мо кивнул.

— Тогда слушай. Но предупреждаю: эта сказка горькая. Как полынь.

Она подбросила в жаровню щепотку сухой коры, и над огнём поднялся густой дым.

После того как Фуси научил людей гадать и ловить рыбу, они всё ещё голодали. Ели кору, коренья и сырое мясо, но не знали, что можно сажать зёрна в землю. Они болели и умирали от лихорадки, потому что не умели отличать целебную траву от ядовитой.

И тогда с неба спустился Шэньнун.

Он не был похож на дракона, как Фуси. Он был человеком — с ногами, руками и лицом, обветренным ветрами. Но у него была странность: живот прозрачный, словно вырезанный из цельного горного хрусталя. Сквозь кожу можно было увидеть все внутренности — желудок, печень, кишки — и то, как по ним движется пища.

— Зачем тебе это? — спросили люди.

— Чтобы видеть, что полезно, а что убивает, — ответил Шэньнун.

Он взял мотыгу из нефрита и пошёл в поле. Выкопал первую борозду, бросил в землю пять зёрен — риса, пшеницы, ячменя, проса и сои — и сказал:

— Отныне вы не будете собирать, вы будете сеять.

Люди не поверили. Но через сто дней из земли выросли колосья, и голод отступил. Так Шэньнун стал первым земледельцем.

Но он не остановился. Он видел, как люди кашляют кровью, как у них гноятся раны, как они корчатся от болей в животе. И тогда он решил: попробует каждую траву, каждый корень, каждый гриб — чтобы узнать, что лечит, а что убивает.

Он ушёл в горы. Три года бродил по лесам и долинам. Каждый день срывал растение, жевал его и смотрел сквозь прозрачный живот, что происходит внутри. Если трава успокаивала боль в желудке — клал её в мешок справа. Если вызывала рвоту или жар — в мешок слева. Если убивала — падал и лежал, пока яд не выходил.

Он пробовал тысячу трав. И ещё тысячу. И ещё.

Некоторые растения дарили силу. Женьшень — жевал его корень, и ноги переставали уставать. Эфедра — от неё прояснялся ум, можно было говорить с духами. Имбирь — согревал в холодные ночи.

Но были и те, что едва не убили его.

Однажды он нашёл красивый красный гриб с белыми пятнами. Съел — и через минуту живот почернел, по венам побежала чёрная кровь. Он упал на землю и пролежал три дня, не дыша. Люди уже хотели похоронить его, но на четвёртый день он открыл глаза.

— Не ешьте этот гриб, — прошептал он. — Я запомнил его.

— Зачем ты мучаешь себя? — спросили люди.

— Если я не попробую, вы попробуете. И умрёте. Пусть лучше умру я.

Так он собрал триста шестьдесят пять лекарств — по числу дней в году. И записал их в книгу, которую называли «Шэньнун бэньцао цзин» — «Канон корней и трав Божественного земледельца».⁵

Мо слушал, затаив дыхание.

— Значит, он создал медицину?

— Да, — кивнула Сюаньэ. — Но это не всё. Однажды он понял: среди трав нет той, что лечит от старости. Люди всё равно умирали — не от яда, не от болезни, а от времени.

Шэньнун опечалился. Он спросил у неба: «Почему я могу вылечить всё, кроме одного?»

⁵ «Шэньнун бэньцао цзин» (#####) — один из древнейших китайских трактатов по медицине, приписываемый Шэньнуну. Реально текст был составлен в I–II веках н. э. на основе устных и письменных источников. Он содержит описание 365 лекарственных растений, минералов и животных — по числу дней в году. Эта книга до сих пор считается классической в традиционной китайской медицине.

Небо ответило громом. А потом с неба упала лиана с жёлтыми цветами. Шэньнун съел её — и вдруг почувствовал, что его кости стали лёгкими, как у птицы. Он поднялся в воздух и полетел к облакам.

— Это трава бессмертия! — закричали люди. — Он нашёл её!

Но Шэньнун не обрадовался. Он посмотрел вниз, на землю, где остались его ученики, его пашни, его больные, которых он не успел вылечить. И разжал пальцы. Лиана выскользнула и упала обратно на землю.

— Я не возьму её, — сказал он. — Бессмертие — не для того, кто лечит. Бессмертие для того, кто уже ничего не должен.

Он вернулся на землю и прожил ещё сто лет, уча людей отличать мяту от болиголова, полынь от чернобыльника. А когда умер, его тело не разложилось. Оно превратилось в гору, на которой до сих пор растут все лекарственные травы мира.

— Почему он отказался от бессмертия? — тихо спросил Мо.

Сюаньэ взяла из чашки сушёный корень имбиря и положила в рот.

— Потому что он был не богом, а человеком. А человек, который попробовал все яды мира, знает: вечная жизнь — это самый медленный яд. Она делает тебя равнодушным. Шэньнун не хотел быть равнодушным.

Она помолчала.

— Ты знаешь, что он умер, когда попробовал траву, которую не смог распознать? Это был маленький синий цветок на берегу ручья. Шэньнун улыбнулся, съел его, посмотрел на свои почерневшие кишки и сказал: «Вот и всё. Запомните этот цветок. Он называется "смерть земледельца"».

Мо опустил голову.

— Он знал, что это яд? — спросил он.

— Знал. Но если бы он не попробовал, кто-то другой мог бы съесть его по ошибке. Шэньнун ушёл, унося с собой последнюю отраву. Это и есть подвиг — не в том, чтобы выжить, а в том, чтобы умереть за других.

Сюаньэ поднялась, подошла к окну. За ним уже зажглись первые звёзды.

— Иди, Мо. Завтра я расскажу тебе о Хуан-ди — Жёлтом императоре, который победил хаос. А сегодня запомни: медицина родилась из боли одного человека. Каждое лекарство — это чья-то отравленная печень.

Мо поклонился и вышел. В его котомке лежал сухой лист мяты, который он сорвал у порога. Он поднёс его к носу и вдохнул запах — прохладный, горьковатый, живой.

— Спасибо тебе, Шэньнун, — прошептал он.

И звёзды над храмом оракулов замерцали ярче.

История четвертая, как Хуан-ди победил хаос и научил людей сражаться

В этот вечер храм оракулов был пуст. Даже черепаховые панцири молчали, не потрескивая на углях. Мо сидел на своей обычной циновке и ждал.

Сюаньэ вошла неслышно, как тень, и села напротив. На ней был халат цвета запёкшейся крови — тёмно-красный, с вышитыми золотыми драконами. Глаза лиловые, но сегодня в них горел не холод, а жар.

— Ты пришёл за сказкой о Хуан-ди, — сказала она.

— Да, — кивнул Мо. — Ты обещала рассказать о том, кто победил хаос.

— Хаос, — повторила Сюаньэ, словно пробуя слово на вкус. — Хаос не снаружи, странник. Хаос внутри. Но Хуан-ди понял это позже. А сначала он просто воевал.

Она зажгла три свечи — красную, белую и чёрную — и поставила их треугольником.

— Слушай.

После Шэньнуна, который попробовал все травы, люди научились лечиться и сеять. Но они не умели воевать. Когда приходили враги, люди разбегались, как овцы. Когда поднимались демоны — прятались в пещерах. Мир был полон зла, и у зла не было имени.

Тогда на востоке, у реки Цзи, родился мальчик. Он закричал так громко, что с неба упала звезда. Его называли Хуан-ди — Жёлтый император. Жёлтым — потому что родился в час земли, когда солнце стоит в зените, а земля отдаёт своё тепло.

Хуан-ди рос быстро. В десять лет знал все виды оружия. В пятнадцать — командовал отрядом. В двадцать собрал армию из тех, кому надоело бояться.

— Почему мы бежим? — спросил он. — Земля наша. Мы её пахали, мы её поливали. Пусть враги бегут.

И он повёл людей в бой.

Первыми были демоны-цзянши — прыгающие мертвецы с красными глазами. Хуан-ди не стал биться с ними мечом. Он взял зеркало из полированной бронзы и направил на них солнечный свет. Цзянши рассыпались в прах.

— Запомните, — сказал он. — У каждого зла есть слабость. Нужно только найти.

Но главный враг был впереди. Его звали Чию — меднолобый демон с шестьюдесятью руками. У него было семьдесят два брата, каждый с телом зверя и головой человека. Они жили в горах, питались железом и камнями, а их крики заставляли сохнуть реки.

Чию сказал Хуан-ди:

— Отдай мне землю. Я сильнее. У меня железная голова, а у тебя — соломенная.

— У меня есть ум, — ответил Хуан-ди. — А у тебя — только лоб.

И началась битва, которая длилась три года.

Чию насылал туманы — такие густые, что люди не видели своих рук. Хуан-ди построил колесницу с компасом — деревянную фигурку, которая всегда указывала на юг. Так его войско не заблудилось.

Чию вызвал дождь и бурю. Хуан-ди позвал на помощь свою дочь — богиню засухи по имени Нюйба. Она появилась в белом платье, и там, где она ступала, земля трескалась от жары. Дожди прекратились.

Тогда Чию выпустил своих зверей — тигров с клыками до земли и медведей, которые ходили на задних лапах. Хуан-ди ударил в барабан, сделанный из кожи грома. Звери испугались и разбежались.

В последней битве Хуан-ди и Чию сошлись один на один. Чию ударил своим железным лбом — гора раскололась пополам. Хуан-ди увернулся и ударил мечом, который выковал для него сам Нефритовый император. Голова Чию покатила по земле, а из неё вырвался чёрный дым и разлетелся на тысячу кусков.

— Всё кончено, — сказал Хуан-ди.

Но это была ложь.

Мо нахмурился:

— Как ложь? Он же победил Чию.

— Победить врага — не значит победить хаос, — ответила Сюаньэ. — Через год после битвы Хуан-ди увидел, что его воины начали ссориться друг с другом. Те, кто был храбрым, стали жестокими. Те, кто был умным, стали хитрыми. Война воспитала в них зверей.

Хуан-ди заперся в своей комнате и не выходил три месяца. Он думал. А когда вышел, собрал всех и сказал:

— Я не научил вас главному. Я научил вас убивать, но не научил жить.

Он отложил меч и взял кисть. Он написал книгу — «Хуан-ди нэйцзин» ⁶ — «Канон Жёлтого императора о внутреннем». Это была не книга о войне. Это была книга о том, как дышать, как есть, как спать и как не бояться смерти.

— Внутренний хаос побеждается не мечом, — сказал он. — А порядком. Порядком в теле, в мыслях, в доме.

Он научил людей календарю — чтобы они знали, когда сеять, а когда отдыхать. Он научил их счёту — чтобы они не обманывали друг друга. Он научил их музыке — чтобы они плакали и смеялись вовремя.

А потом он ушёл. Не умер. Ушёл.

Говорят, что в конце жизни Хуан-ди увидел журавля с красной шеей. Журавль позвал его в небо. Хуан-ди сел на него и полетел на запад, где живут бессмертные. Его лук и стрелы остались висеть на сосне, и каждый год они звенели, когда дул ветер.

— Значит, он стал бессмертным? — спросил Мо.

— Нет, — покачала головой Сюаньэ. — Он стал примером. Бессмертие — это когда тебя помнят через тысячу лет. Хуан-ди помнят до сих пор. Не как воина, а как того, кто понял: победить хаос можно только порядком.

Она погасила красную свечу.

— Ты ищешь знания, Мо. Ты хочешь победить хаос в своей голове. Но помни: сначала победи хаос в своей комнате. Разложи свитки по порядку. Почини рубаху. Вытри пыль. А потом уже сражайся с демонами.

Мо улыбнулся уголком губ.

— Это совет императора?

— Это совет старой шаманки, — ответила Сюаньэ. — А теперь иди. Завтра я расскажу тебе о Юе — том, кто укротил потоп и научил людей строить дамбы.

Она задула чёрную свечу. Осталась только белая, которая мерцала, как утренняя звезда.

Мо вышел. На пороге он обернулся:

— Сюаньэ, а ты победила свой хаос?

Она не ответила. Только нефритовые полумесяцы на её поясе тихо звякнули — будто кто-то невидимый покачал головой.

⁶ «Хуан-ди нэйцзин» (####) — один из древнейших китайских медицинских трактатов, традиционно приписываемый Хуан-ди. Реально текст был составлен в период III–II веков до н. э. и до сих пор является основой традиционной китайской медицины. В книге описываются теория инь-ян, меридианы, акупунктура, дыхательные практики и диетология.

История пятая, как Юй укротил потоп и научил людей не спорить с водой

Вечер выдался душным. Даже в храме оракулов, где камни всегда хранили прохладу, воздух стал тяжёлым, как перед грозой. Мо сидел на своей циновке и рассматривал трещины на черепаховом панцире — старые, глубокие, похожие на высохшие русла рек.

Сюаньэ вошла не из двери, а из тени — будто вытекла из стены. Сегодня на ней был халат цвета речной тины — тёмно-зелёный, с вышитыми серебряными волнами. Нефритовые полумесяцы на поясе блестели, как капли дождя.

— Ты слышишь? — спросила она, не здороваясь.

Мо прислушался. Где-то далеко, за стенами храма, шумела вода. Но вокруг не было ни реки, ни ручья.

— Это старый потоп, — сказала Сюаньэ. — Он никогда не уходит до конца. Он ждёт, когда люди забудут, как с ним договариваться.

— Ты обещала рассказать о Юе, — напомнил Мо.

— Садись, — она подбросила в жаровню мокрые листья, и они зашипели, выпуская густой пар. — Я расскажу.

После того как Хуан-ди победил хаос, люди думали, что худшее позади. Но небо решило иначе. Однажды дух вод по имени Гунгун ⁷разозлился на людей. Он ударил своей головой о гору Бучжоу — ту, что подпирала небо с северо-запада. Гора рухнула. Небо накренилось, и в пролом хлынула вода. Реки вышли из берегов. Дожди лили сорок дней и сорок ночей. Земля стала морем.

Люди забирались на деревья и крыши, но вода поднималась всё выше. Она уносила дома, скот, детей. Те, кто выжил, плакали и проклинали небо.

Тогда император Шунь — мудрый правитель — созвал совет.

— Кто сможет остановить воду? — спросил он.

Вызвался отец Юя, человек по имени Гунь. Он был упрямым и сильным. Гунь сказал: «Я построю стены. Я загорожу воду землёй и камнями».

Он строил девять лет. Возводил дамбы, насыпи, плотины. Вода поднималась — он поднимал стены. Вода давила — он укреплял камни. Но в конце концов вода прорвалась. Она смела всё, что построил Гунь. Император Шунь пришёл в ярость и приказал казнить его.

— Несправедливо, — сказал Мо.

— Несправедливо, — согласилась Сюаньэ. — Но такова судьба первых строителей. Гунь делал, как умел. Он не знал другого способа.

После смерти Гуня император Шунь позвал его сына — Юя. Юй был молод, но в его глазах уже стояла печаль.

— Твой отец не справился, — сказал Шунь. — Попробуешь ты?

— Попробую, — ответил Юй. — Но я буду делать не так, как он.

Юй не стал строить стены. Он взял мерную верёвку, лопату и топор и пошёл вдоль рек. Он шёл три года. Он измерил каждое озеро, каждую гору, каждую ложбину. Он понял: вода не враг. Она хочет течь туда, где ниже. Если не давать ей пути, она копит злобу и прорывается. Если дать ей путь — она успокаивается.

— Вода не любит, когда с ней спорят, — сказал Юй. — Воду нужно проводить.

Он приказал прорыть новые русла. Углубил старые реки. Там, где горы преграждали путь воде, пробивал в них туннели. Там, где вода стояла болотом, выкапывал каналы к морю.

Люди смеялись над ним: «Твой отец строил стены. А ты роешь ямы. Это не работа». Юй не отвечал. Он копал.

Его руки покрылись мозолями, ноги стёрлись до костей. Он похудел так, что ветер мог сбить его с ног. Но он не останавливался.

Однажды, когда он проходил мимо горы Лунмэнь, перед ним встал дух реки Хуанхэ.

— Зачем ты трогаешь мои воды? — спросил дух. — Я сам решаю, где мне течь.

— Ты решаешь, — ответил Юй. — Но люди гибнут. Если ты будешь течь там, где живут люди, людей не останется. Тогда кому ты будешь приносить беду?

Дух задумался. Никто никогда не говорил с ним так — не с мольбой, не с угрозой, а с вопросом.

— Что ты предлагаешь? — спросил дух.

— Я проложу тебе новое русло. Широкое, глубокое, прямо к морю. Ты будешь течь быстро и не будешь разливаться по полям. Согласен?

Дух не ответил. Но он уступил.

И вода потекла туда, куда указал Юй.

⁷ Гунгун (##) — в китайской мифологии дух вод, который сражался с духом огня Чжужуном. Проиграв битву, он в ярости ударил головой о гору Бучжоу, которая подпирала небо. Гора рухнула, и небо накренилось, вызвав великий потоп.

Он укротил не только Хуанхэ. Он укротил Янцзы, Хуайхэ, Цзихэ — все великие реки Китая. Он работал тринадцать лет. За это время три раза проходил мимо своего дома. Он слышал, как плачет его жена, как его сын учится говорить. Но он не заходил.

— Почему? — спросили его.

— Если я войду в дом, — сказал Юй, — я захочу остаться. А вода не ждёт.

Мо опустил глаза.

— Это жестоко, — прошептал он.

— Это велико, — ответила Сюаньэ. — Иногда, чтобы спасти всех, нужно отказаться от одного.

Когда последний канал был прорыт, вода ушла. Земля снова стала сушей. Люди спустились с деревьев и гор, построили новые дома. Император Шунь обнял Юя и сказал: «Ты победил потоп. Я отдаю тебе трон».

Но Юй покачал головой:

— Я не победил потоп. Я просто договорился с ним. Вода всегда будет рядом. Нужно помнить, что она сильнее. Не спорь с водой — дай ей путь.

Он стал императором — основателем первой династии Ся⁸. Но до конца жизни каждую весну ходил к реке и кланялся ей.

— Ты дала нам землю, — говорил он. — Не забирай её обратно.

И река слушалась.

— А что случилось с его женой? — спросил Мо.

Сюаньэ взяла чайную пиалу и долго смотрела на тёмную жидкость.

— Она превратилась в камень. Говорят, она ждала Юя тринадцать лет. Когда он наконец пришёл домой, она стояла на пороге, глядя на дорогу, и не могла пошевелиться. Её тело окаменело от горя и любви. Юй обнял камень и заплакал. Из его слёз родилась река, которую называют «Женская тоска».

Она поставила пиалу.

— Такова цена порядка. Кто-то платит жизнью. Кто-то — камнем. Но если не платить вовсе, платят все.

Мо молчал долго. Потом спросил:

— Сюаньэ, а ты когда-нибудь жалела, что стала не смертной, а... этим?

Она улыбнулась — впервые за все вечера. Но улыбка была кривой, как полумесяц.

— Каждую ночь, — сказала она. — А теперь иди. Завтра я расскажу тебе о Нюйве — той, кто починила небо.

Она погасила свечи. Мо вышел в темноту, и ему показалось, что вода шумит где-то совсем рядом. Но это был только ветер в коричневых деревьях.

⁸ Династия Ся (##) — согласно древнекитайским хроникам, первая правящая династия в истории Китая (ок. 2070–1600 гг. до н. э.). Юй Великий считается её основателем.

История шестая, как Нюйва починила небо и почему женщинам доверили лепить людей

В этот вечер храм оракулов был залит светом. Не луны — странным золотистым сиянием, которое лилось откуда-то снизу, будто земля сама светилась. Мо вошёл и увидел, что Сюаньэ стоит посреди комнаты без обычных атрибутов — ни черепаховых панцирей, ни жаровни, ни чайной доски. На ней было белое платье, простое, без вышивки. Волосы распущены. Нефритовые полумесяцы на поясе — единственное, что напоминало о тёмной богине.

— Ты пришёл, — сказала она. — Садись.

— Ты обещала рассказать о Нюйве, — тихо сказал Мо, усаживаясь на циновку.

— О Нюйве. О той, кто была до всех богов и после всех людей. Слушай.

После того как Пань-гу умер, а его тело стало миром, земля была пуста. Горы стояли, реки текли, ветры дули, но некому было смотреть на них. Духи — шэнь и гуй — прятались в пещерах и не показывались.

Тогда с неба спустилась женщина. У неё было лицо человека, но тело змеи — длинное, чешуйчатое, гибкое, как река. Её звали Нюйва⁹.

Она проползла по горам и долинам, посмотрела на пустоту и сказала:

— Скучно.

Она села на берегу реки Хуанхэ, зачерпнула жёлтой глины и слепила маленькую фигурку — с головой, руками, ногами. Похожую на неё саму, но без змеиного хвоста. Она поставила фигурку на землю, и та ожила.

— Иди, — сказала Нюйва. — Живи.

Фигурка побежала, закричала от радости, упала, поднялась и побежала дальше. Нюйва засмеялась. Она слепила вторую, третью, десятую. Её руки двигались быстро, но глина кончалась.

Тогда Нюйва нашла верёвку, окунула её в грязь и взмахнула. Капли грязи разлетелись во все стороны и стали людьми — тысячами, десятками тысяч.

— Те, кого я слепила руками, будут знатю, — сказала Нюйва. — А те, кто из капель грязи, будут просто жить. И те, и другие — мои дети.

Так появились люди. Бедные и богатые, умные и глупые, добрые и злые. Все из одной глины.

Мо нахмурился:

— Значит, знать — из капель грязи?

— Не перебивай, — мягко сказала Сюаньэ. — Это только начало.

Долгое время люди жили счастливо. Нюйва смотрела на них с неба и радовалась. Но однажды случилась беда. Дух вод Гунгун — тот самый, что позже разрушил гору Бучжоу — поссорился с духом огня Чжужуном. Они бились три дня. Гунгун проиграл и от злости ударил головой о гору Бучжоу. Гора была не простой — она подпирала небо с северо-запада. Гора рухнула.

Небо накренилось. В пролом хлынула вода — не просто реки, а первозданный океан, который был скрыт за небесным сводом. Земля задрожала, из трещин вырвался огонь. Люди падали в расселины, звери сходили с ума, птицы падали замертво.

— Конец мира, — закричали люди.

Но Нюйва не испугалась. Она собрала пять цветных камней¹⁰ — красный, белый, чёрный, зелёный и жёлтый. Она растопила их в огне, который сама же и создала, и залила расплавленным камнем дыру в небе. Камни затвердели, и небо стало целым. Но на месте заплатки остались разноцветные прожилки — их мы видим до сих пор как радугу.

Она убила гигантскую черепаху, отрубила ей четыре ноги и поставила их на четыре стороны света — вместо сломанных гор. Ноги вросли в землю, и небо перестало шататься.

Она сожгла тростник и засыпала его пеплом разлившиеся воды. Потоп отступил.

Когда всё было кончено, Нюйва устала. Она легла на землю и закрыла глаза. Её змеиное тело превратилось в реки, дыхание — в ветры, голос — в пение птиц.

— Она умерла? — спросил Мо.

— Нет, — покачала головой Сюаньэ. — Она стала самой землёй. С тех пор Нюйва не уходит. Она в каждом камне, в каждом ручье, в каждой женщине, которая рождает детей.

— Почему в женщине?

⁹ Нюйва (##) — в китайской мифологии богиня-созидательница, изображаемая с телом змеи или дракона и головой человека. Она считается создательницей людей и спасительницей мира, починившей небо. Её образ сочетает в себе женское начало (созидание, рождение) и хтоническую силу (змея как символ земли и воды).

¹⁰ Пять цветных камней — в китайской мифологии цвета соответствуют пяти сторонам света и пяти стихиям: красный (юг, огонь), белый (запад, металл), чёрный (север, вода), зелёный/синий (восток, дерево), жёлтый (центр, земля). Эти камни символизируют гармонию космоса, которую Нюйва восстанавливает, чиня небо. Согласно легенде, разноцветные прожилки на месте заплатки стали радугой.

— Потому что женщина лепит человека внутри себя. Как Нюйва лепила из глины. Ты думаешь, это просто — родить? Это такая же работа, как починить небо. Только тише.

Мо опустил глаза. Он вспомнил свою мать, которую оставил, когда ушёл из дома.

— Есть ещё одна история, — сказала Сюаньэ. — Ты хочешь услышать?

Мо кивнул.

Когда Нюйва чинила небо, она заметила, что люди стали другими. Они больше не радовались просто так. Они боялись, жадничали, убивали друг друга.

— Что с ними случилось? — спросила Нюйва у духов.

— Они слишком долго жили, — ответили духи. — Им скучно. Они ищут смысл, а смысла нет.

Тогда Нюйва создала музыку. Она сделала первый музыкальный инструмент — шэн¹¹ из тринадцати бамбуковых трубок. Она заиграла, и люди слышали гармонию. Они перестали драться и начали танцевать.

— Музыка — это лекарство от пустоты, — сказала Нюйва. — Если вам грустно — пойте. Если страшно — танцуйте. Если не знаете, как жить дальше, — слушайте ветер.

И она исчезла.

Остались только её камни — пять цветных заплаток на небе. Иногда они падают на землю как метеориты. Говорят, тот, кто найдёт такой камень, получит желание. Но никто не знает, что Нюйва наказывала: желание исполнится, только если ты готов заплатить за него так же, как она заплатила за небо — своей усталостью до смерти.

Сюаньэ замолчала. Золотистое сияние погасло. В храме стало тихо.

— Это конец? — спросил Мо.

— Это конец сказок, — ответила Сюаньэ. — Ты спросил меня о начале мира. Я рассказала тебе о Пань-гу, о Фуси, о Шэньнуне, о Хуан-ди, о Юе и о Нюйве. Это были первые истории.

— А что дальше? — спросил Мо.

— Дальше будут другие истории. Не только о богах и героях. О семьях, о демонах, о том, как я стала тем, кем стала. И о тебе тоже.

Она встала и подошла к двери. Ночь за порогом была тёплой, звёздной.

— Мо, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты спрашивал, победила ли я свой хаос. Я не победила. Но я научилась жить с ним. Как вода в русле. Ты тоже научись.

Мо поднялся, поклонился. В этот раз он поклонился низко, по-настоящему.

— Спасибо тебе, Сюаньэ. Или как тебя звали до того, как ты стала богиней?

Она усмехнулась, но не ответила. Нефритовые полумесяцы звякнули в последний раз.

Мо вышел в ночь. Храм оракулов остался позади — тёмный, тихий, полный древних трещин. Он шёл по дороге и слышал, как где-то далеко играет бамбуковый шэн. Или это ветер свистел в коричневых ветвях? Он так и не узнал.

¹¹ Шэн (#) — древний китайский язычковый духовой инструмент, состоящий из нескольких бамбуковых трубок разной длины. Считается одним из первых инструментов в истории человечества. Его звук имитирует голос феникса и символизирует гармонию. В традиционной китайской музыке шэн используется до сих пор.

История седьмая, как Фуси и Нюйва подарили миру песню и лук

Храм оракулов встретил Мо тишиной. Не той пустой, когда нечего сказать, а той, что бывает перед самым важным — как затаившееся дыхание перед ударом грома.

Сюаньэ сидела на низком каменном подиуме. В руках у неё был необычный предмет — длинная изогнутая ветка, натянутая тетивой из высушенной кишки. Самодельный лук.

— Ты пришёл, — сказала она, не поднимая глаз. — Сегодня рассказ о том, как люди научились петь и убивать зверей на расстоянии.

Мо сел на циновку, положив котомку с книгами рядом. Он заметил, что сегодня в комнате нет ни черепаховых панцирей, ни гадальных костей. Вместо них — связка перьев, кусок шёлка и бамбуковая трубка с дырочками.

— Это шэн? — спросил Мо, указывая на трубку.

— Умный мальчик, — усмехнулась Сюаньэ. — Да, шэн. Самый первый. Его сделала Нюйва. Но обо всём по порядку.

Она отложила лук, подбросила в жаровню щепотку сухой коры, и над огнём поднялся тонкий синий дым.

После того как мир родился из тела Пань-гу, а Нюйва слепила людей из глины, на земле было тихо. Слишком тихо.

Люди ходили, ели, спали, умирали. Но они не пели. Они не танцевали. Они не знали, что можно издать звук не только для крика о помощи. Ветер шумел в ветвях, вода журчала в реках, птицы перекликались. А люди молчали.

Нюйва, которая смотрела на них с неба, опечалилась.

— Они как камни, — сказала она своему брату Фуси. — У них есть руки и ноги, но нет голоса. Я дала им жизнь, но не дала им радости.

Фуси сидел на горе, перебирая триграммы. Он уже научил людей гадать и приручил огонь. Но он не знал, как заставить человека петь.

— Пойдём в бамбуковую рощу, — сказал он. — Может быть, бамбук подскажет.

Они спустились в долину, где рос бамбук — высокий, прямой, полый внутри. Ветер дул между стволами, и бамбук стонал — тихо, жалобно, красиво.

— Слышишь? — спросил Фуси. — Бамбук поёт без голоса.

Нюйва прислушалась. Ветер играл в бамбуковых трубах, и звуки были разными — высокими, низкими, долгими, короткими.

— Если я сделаю такой же полый стебель и буду дуть в него, — сказала Нюйва, — может быть, я смогу повторить этот звук?

Она срезала тростник, вынула из него сердцевину, проделала пальцем отверстия. Потом поднесла к губам и дунула. Раздался звук — чистый, как капля росы, падающая в родник.

Так родилась первая флейта.

Фуси засмеялся от радости. Он срезал ещё один стебель, потом ещё. Он связал тринадцать трубок разной длины в один ряд — от самой короткой до самой длинной. Он дунул в них, и воздух заиграл гамму — от писка комара до рёва тигра.

— Это шэн, — сказал Фуси. — Голос гармонии.

Он спустился к людям, дунул в шэн, и люди замерли. Никогда прежде они не слышали ничего подобного. Сначала они испугались — решили, что это духи разговаривают. Потом один мальчик подошёл ближе и улыбнулся.

— Ещё, — попросил он.

Фуси заиграл снова. И тогда люди начали танцевать. Не умея, неловко, но искренне. Они поднимали руки к небу, кружились, хлопали в ладоши. Нюйва смотрела на них и плакала от счастья.

— Теперь у них есть голос, — сказала она. — Теперь они не одни.

Но Фуси покачал головой.

— Музыка — это для души, — сказал он. — А телу нужна еда. Люди голодают, потому что не могут добыть зверя. Звери быстры, а люди медленны. Звери сильны, а люди слабы.

Нюйва задумалась.

— Что ты предлагаешь?

— Нужно оружие, которое бьёт издалека, — сказал Фуси. — Не копьё, которое нужно всаживать в упор. А что-то, что летит.

Фуси ушёл в горы и не возвращался семь дней. Нюйва искала его, но нашла только на восьмой. Он сидел на скале, окружённый тушами убитых зверей — оленей, кабанов, зайцев. В руках у него была изогнутая ветка¹², натянутая тетивой из сухожилий.

— Что это? — спросила Нюйва.

¹² Древнейшие луки в Китае делали из бамбука, дерева и сухожилий животных. Тетиву часто изготавливали из жил тигра, быка или оленя — они были эластичными и прочными.

— Лук, — ответил Фуси. — Я сделал его из дерева цзытань. Тетива — из жил тигра, которого я убил вчера. Стрелы — из бамбука с наконечниками из кремня.

Он вложил стрелу, натянул тетиву и выстрелил. Стрела улетела так далеко, что Нюйва не разглядела, где она упала.

— Теперь человек может убить зверя с расстояния в сто шагов, — сказал Фуси. — Он не должен догонять. Он должен только целиться.

— Но это жестоко, — сказала Нюйва. — Зверь не видит, откуда приходит смерть.

— Война всегда жестока, — ответил Фуси. — Даже война с голодом.

Он спустился к людям и показал им, как делать луки. Сначала люди не верили — как тонкая ветка может убить кабана? Но когда первый кабан упал, пронзённый стрелой, они закричали от восторга.

— Теперь мы едим каждый день! — кричали они.

Но Нюйва была не весела. Она смотрела, как люди радуются смерти, и в её сердце закрадась печаль.

— Фуси, — сказала она, — ты дал им оружие. Они будут убивать не только зверей, но и друг друга.

Фуси помрачнел. Он знал, что сестра права.

— Тогда я дам им правила¹³, — сказал он. — Первое: не убивай зверя, который кормит детёнышей. Второе: не убивай больше, чем можешь съесть. Третье: не поднимай лук на человека.

— Этого мало, — покачала головой Нюйва. — Люди забудут правила.

— Тогда я сделаю так, чтобы правила пелись, — сказал Фуси.

Он взял шэн, сыграл мелодию и спел:

«Охотник, помни: лес тебя слышит.

Если убьёшь мать — умрёт и детёныш.

Если возьмёшь лишнее — земля оскудеет.

Если поднимешь лук на брата — небо упадёт.»

Люди запомнили песню. Они пели её перед каждой охотой. И долгое время они соблюдали правила.

— А потом? — спросил Мо.

— Потом они забыли, — сказала Сюаньэ. — Как забывают всё. Но это уже другая сказка.

Она положила лук на колени.

— Знаешь, почему я рассказываю тебе это? Фуси и Нюйва были разными. Он дал людям охоту и смерть. Она дала музыку и жизнь. Вместе они создали гармонию — инь и ян.

— А что случилось с первым луком? — спросил Мо.

Сюаньэ улыбнулась.

— Фуси повесил его на сосну у входа в свою пещеру. Говорят, тот лук до сих пор висит там, но никто не может его найти. Только избранный, кто услышит песню ветра в тетиве, сможет взять его в руки.

Она встала, подошла к окну. За ним уже серело.

— Ты спросил меня однажды, почему я стала тем, кем стала. Я не отвечала. Но сейчас скажу: потому что я не умела петь. У меня не было музыки. Был только лук. И я убивала. Зверей, врагов, своё сердце. Потом я встретила одного человека... Впрочем, неважно.

Она резко обернулась.

¹³ Правила охоты Фуси — в некоторых версиях мифа Фуси действительно устанавливает первые законы для людей. Эти три запрета — авторская интерпретация, основанная на идее гармонии между человеком и природой. В древнем Китае существовали сезонные запреты на охоту, чтобы животные могли размножаться, — это один из древнейших примеров экологического сознания.

— Ступай, Мо. Завтра я расскажу тебе о Чаньэ — но не о той, которую знают все, а о той, которой я была.

Мо встал, поклонился. На пороге он задержался.

— Сюаньэ, а Нюйва и Фуси поженились?

— В некоторых сказаниях — да, — ответила она. — В других — нет. Я не знаю правды. Но я знаю, что если брат и сестра создают мир, они обязательно ссорятся. И мирятся. И ссорятся снова. Это и есть жизнь.

Она задула свечу.

История восьмая, как Чанъэ спустилась на землю и выбрала жрицу для Лунного храма

Солнце остывало, золотило верхушки коричневых деревьев, но свет был тяжёлым, прощальным. Мо сидел в чайной беседке, где даже сухие листья замерли в предчувствии. Сюаньэ появилась бесшумно — простая конопляная рубаха, волосы стянуты в узел, только нефритовые полумесяцы на поясе тихо звякнули, как треснувшее стекло. Она поставила пиалы на столик, и чай в них был тёмен, словно застоявшаяся кровь.

— Ты рано, — она смотрела не на Мо, а в пустоту заката. — Или поздно. Время здесь — зыбь над бездной.

— Сюаньэ, — он наконец решился. — Три вечера я ношу в себе вопрос. Он тяжёлый, как мокрый саван. Ты учила меня о богах. Теперь я хочу знать о тебе.

Она медленно перевела взгляд. В лиловых зрачках, вертикальных и чуждых, зажглось нечто похожее на боль.

— Ты ищешь то, что я прячу даже от луны, — голос её дрогнул, впуская древнюю печаль. — Моя история — не о победах. Там только глина, кровь и женщина, которой давно нет. Но сегодня — годовщина. Слушай. Сначала ты должен узнать Линь.

Она взяла сухой лист корицы, и он хрустнул в её пальцах, как чужая кость.

— Моя учительница была жрицей Чанъэ¹⁴. Не сама себя я вылепила — меня вылепила та, что стала деревом. Это сказка не о богах. Это сказка о зеркале, которое разбилось.

Сюаньэ выдохнула, и с выдохом пришла скорбь. Она рассказывала, и слова падали, точно комья земли на крышку гроба.

Давным-давно Чанъэ изнывала в Нефритовом дворце. Бессмертие душило её. Заяц толк корицу, тени ползли, а внизу люди горели и гасли, как свечи. Ей было скучно — не тоскливо, а именно скучно, с ледяным презрением сытости.

— Я спущусь, — бросила она зайцу, сбрасывая лунный шёлк. — Выберу игрушку. Ту, что станет моим голосом.

— Госпожа, это запрет Нефритового императора...

— Я украла эликсир у мужа. Что мне какой-то запрет?

Она падала всю ночь, наслаждаясь ветром, не думая о тех, кого коснётся. На рассвете приземлилась у деревни, где жила Линь — сирота, пасшая гусей. Странная: ночами смотрела на луну и задавала вопросы, а не просила подачек. Чанъэ явилась ей в холщовом платье, с серебряными глазами, и Линь упала на колени, узнав богиню.

— Построй мне храм, — повелела Чанъэ, подняв её лицо за подбородок ледяными пальцами. — Живой. Будешь моими руками, моей забавой на земле.

Они пришли к мёртвому дереву на холме. Чанъэ коснулась коры, и дерево взорвалось белым цветом.

— Здесь твой алтарь. Не из камня — из запаха корицы и лунного света. Люди придут слушать тишину.

Линь работала ночами, сбивая руки в кровь. Чанъэ смотрела. Когда девушка падала от усталости, богиня не давала ей спать — пела, заставляя тело двигаться дальше. Ей нравилось смотреть, как смертная ломает себя ради её прихоти.

— Ты станешь зеркалом, — учила Чанъэ с улыбкой. — Зеркало не чувствует. Если переполнишься чужой болью — сойдёшь с ума. Но мне-то что? Я возьму другую.

Линь училась быть пустой. Принимала горе и гнев, плакала чужими слезами, а Чанъэ лишь пожимала плечами: «Терпи. Это твоя жертва». Ни тепла, ни жалости. Только игра.

Сюаньэ замолчала. Чай остыл. Звёзды проступали на небе, острые, как иглы.

— Чанъэ просто развлекалась, — прошептала она, и голос её был полон горечи. — Линь горела, а она грела руки.

Через пять лет богине наскучило. Она явилась проститься — не с грустью, а с облегчением зрителя, покидающего скучную пьесу.

— Я возвращаюсь на луну. Насовсем.

Линь рухнула на колени.

— Но... как же я? Моя боль? Одиночество?

— Ах, это. — Чанъэ зевнула, взмывая в воздух. — Найди ученицу, передай ей эту пытку. Только тогда сможешь уйти в тишину.

Линь осталась. Сорок лет она слушала чужие страдания, отражала их, сходила с ума от пустоты. Первая ученица сбежала. Вторая разбилась рассудком. Третья — Юэ¹⁵ — осталась.

¹⁴ Чанъэ (##) — в китайской мифологии богиня луны. Согласно легенде, она была женой стрелка Хоу И, который получил от богов эликсир бессмертия. Чанъэ выпила эликсир, чтобы он не достался злым людям, и улетела на луну, где живёт в Нефритовом дворце с белым зайцем, который перетирает в ступе корицу.

¹⁵ Юэ (#) — в переводе с китайского означает «луна». Имя, которое Линь даёт своей ученице, символично: оно связывает её с Чанъэ и с лунной магией.

Сюаньэ посмотрела на свои руки, будто до сих пор видела на них кровь.

— В ночь, когда я приняла храм, Линь подошла к коричному дереву, — её голос сорвался. — Она легла на землю и перестала дышать. Тело стало вторым деревом. Кора — её кожа. Слезы — роса. А боль стала запахом корицы. Чаньэ не оплакала её. Для богини это была лишь минувшая шалость.

Она встала, и тени окутали её, как саван.

— Юэ — моё смертное имя, — прошептала она, глядя на восходящую луну. — Теперь ты знаешь. Я слышу, как она плачет в ветвях каждую ночь. И ничего не могу сделать. Только помнить. И никогда не прощать.

Она ушла во тьму храма, оставив Мо одного. Тишина звенела. Наверху, в коричных ветвях, и правда кто-то шептал — старый голос и молодой. Один говорил о брошенной любви. Другой — о возвращении в ничто.

История девятая, как Юэ нашла эликсир, убила демона и стала богиней, которой не нужно небо

Небо над храмом ещё серело, когда Мо открыл глаза. Сюаньэ сидела на краю беседки, свесив ноги, и в первых лучах её лиловые глаза казались почти чёрными — две остывшие золы. Нефритовые полумесяцы на поясе висели неподвижно, будто умерли вместе с ночью.

— Ты проснулся, — бросила она, не оборачиваясь, и в голосе не было ни тепла, ни холода — одна усталая констатация.

— Прости. Твоя история о Линь и Чаньэ... была долгой.

— Долгой и печальной, — кивнула она, и на мгновение её голос дрогнул, впуслав старую, запёкшуюся горечь. — Но не моей. Моя — страшнее.

Мо сел, разминая затёкшую шею.

— А что случилось с Юэ? С ученицей Линь, что осталась в храме?

Сюаньэ резко повернулась. В лице больше не было привычной насмешки — только бездна усталости, и где-то на дне её плескался гнев.

— Юэ — это я, — отчеканила она, и каждое слово падало, как камень в стоячую воду. — Линь дала мне это имя, потому что «Юэ» значит «луна». Я выдержала, когда две другие сошли с ума. Выдержала — и прокляла себя за это навеки.

Мо замер. Сюаньэ спрыгнула с края, налила в пиалу холодный чай — резко, расплескав.

— Хочешь дослушать? Будет горько. Это сказка о том, как я стала Сюаньэ.

Она начала, и голос её был полон старой, незаживающей ярости.

Когда Линь превратилась в дерево, я осталась одна. Семнадцать лет, а внутри уже зияла чёрная дыра. Три года я притворялась ею: принимала чужую боль, слушала, плакала чужими слезами. Но святая пустота, которой учила Линь, не приходила. Вместо неё росла ненависть. Я ненавидела тех, кто шёл ко мне со своими бедами, ненавидела луну за равнодушие, ненавидела Чаньэ, которая играла Линь, как куклой, и швырнула её умирать. Я хотела не отражать страдания — я хотела рвать их. Хотела силы.

Однажды явился старик с молодыми глазами и прошептал об эликсире бессмертия¹⁶, что спрятан под горой Куньлунь, в логове демона Моюя. Я прогнала его, но слова застряли во мне, как отравленная стрела. «Бессмертие. Сила. Никогда больше не чувствовать боли». А я чувствовала — постоянно. Боль Линь, боль всех живых, свою — жгучую, разъедающую. Я была сосудом, переполненным ядом.

В ночь лунного затмения, когда Чаньэ отвернулась от земли, я взяла лук Линь и ушла в горы. Шла семь дней, и каждый шаг был проклятием собственной слабости. Пещера встретила меня смрадом гнилых цветов и грудой костей. Демон Моюй¹⁷ вышел — прекрасный юноша с пустыми глазами. Я ненавидела его в тот миг так, что дрожали руки.

— Ты пришла за эликсиром, — ухмыльнулся он. — Он заберёт твою душу.

— Моя душа умерла вместе с Линь, — выплюнула я. — Отдай его, или я вырву его сама.

Мы бились. Стрелы проходили сквозь него, как сквозь туман, а он насылал худшее: умирающую Линь с укором во взгляде, пустой храм, полный праха, моё дряхлое тело. Я кричала — не от страха, от ярости. Почему я должна вечно страдать?! И тогда я сделала то, чему меня учили. Я стала ничем. Вырвала из себя всю любовь, всю память, всю боль — стала зеркалом, в котором ни отражения. Демон завопил, лишившись пищи, и рассыпался. Его тьма хлынула в меня, отравила каждую клетку. А потом я выпила эликсир.

Серебристая жидкость обожгла гортань, но вместо полёта к луне я рухнула на колени. Глаза вспыхнули лиловым — цветом, которого нет в природе. Чаньэ взглянула с небес — и отвернулась с презрением. Даже богиня, игравшая смертными, побрезговала мной. Я стала ни человеком, ни демоном, ни божеством — ошибкой, проклятием.

Вернувшись в храм, я поняла: меня не узнают духи, а ученицы сходят с ума или бегут. И тогда я приняла это. Перестала злиться, перестала надеяться. Умерла заживо. Это не просветление — это капитуляция. Я стала равнодушной, как луна. Принятие силы — это когда тебе больше нечего терять.

Сюаньэ замолчала. Солнце залило беседку золотом, но в её глазах не отражалось ни лучика. Мо сидел, не смея дышать.

— Ты поэтому рассказываешь всё мне? — наконец выдавил он.

— Да, — ответила она бесцветным голосом, в котором не осталось ни гнева, ни скорби — только бесконечный покой пустоты. — Ты можешь принять мой дар. Или отказаться. Я научилась ждать. Триста лет — не срок.

¹⁶ Эликсир бессмертия (сяньдэнь, ##) — в китайской мифологии и даосской алхимии легендарное вещество, дарующее бессмертие. Его искали императоры и шаманы, но в мифах эликсир почти всегда приносит проклятие, а не благословение. Чаньэ, выпившая его, была обречена на вечное одиночество на луне.

¹⁷ Моюй (##) — в данной книге это авторский образ демона, питающегося снами и страхами. В классической китайской мифологии похожие существа называются «мэнгуэй» (##) — духи кошмаров, которые душат спящих. В этой истории Моюй символизирует внутренние страхи, с которыми Юэ должна справиться, чтобы обрести силу.

— А что будет с тобой, если я приму силу?

Сюаньэ улыбнулась — впервые по-настоящему, но улыбка эта была как трещина на старом фарфоре.

— Я уйду. В тишину. Не в смерть — в покой. Ни радости, ни горя. Это и есть мой выбор — принять свою силу, отпустив всё.

Она протянула ему пиалу с холодным чаем. Пальцы Мо дрожали. А Сюаньэ уже смотрела мимо него, туда, где коричневые деревья качались под ветром, и лицо её было безмятежным, как мёртвое море.

История десятая, как Сюаньэ отвергли небеса, изгнали демоны и как она стала никем

Храм встретил Мо привычной полутьмой, но в ней сегодня чувствовалось напряжение — будто сам воздух затаил дыхание. Черепаховые панцири лежали неподвижно, гадальные кости остыли, а Сюаньэ сидела на пороге, свесив ноги наружу, и её спина была прямая, как сломанное копьё. Ветер швырял ей под ноги сухие листья корицы, а она даже не моргала.

Мо вошёл беззвучно. Он не приходил несколько дней — носил в себе страх и вопрос. Сел рядом, не спрашивая разрешения.

— Думал, — произнесла она глухо.

— Думал. — Его голос дрогнул. — Я не знаю, готов ли принять... Это слишком темно. Слишком тяжело.

— Темнота — это свет, который ты ещё не научился ненавидеть, — усмехнулась она, и в этой усмешке скрежетнула старая боль. — Но ты пришёл не за ответом. Ты пришёл за новой сказкой.

Мо кивнул.

— Ты рассказала, как убила демона и выпила эликсир. Но что было потом? Когда Чанъэ отвернулась, а Нефритовый император не прислал журавля... Куда ты пошла? Что делала?

Пальцы Сюанъэ сжали нефритовый полумесяц с такой силой, что побелели костяшки. Она резко встала, прошла вглубь храма и зажгла три свечи — белую, чёрную, красную. Пламя рванулось вверх, будто испуганное.

— Ты хочешь услышать, как меня пинали и небеса, и бездна? Как я была в пустоту, а она молчала? Как я стала мостом для тех, кто никому не нужен, потому что сама была ничьей? — её голос сорвался на крик, а потом опал до шёпота. — Садись, странник. Это будет долгая ночь. Я расскажу, как меня не приняли ни боги, ни демоны, и как я от отчаяния научилась равнодушию.

После того, как эликсир обжёг мне гортань, а лиловый яд залил глаза, я вернулась в храм. Коричное дерево Линь цвело белым, но сама Линь молчала под корой. Я села у алтаря и три ночи звала Чанъэ. Шептала, умоляла, проклинала. Луна была глуха.

На четвёртую ночь с неба упал серебряный лист — всего три иероглифа: «Ты не моя». Я не заплакала. Я разучилась плакать. Но внутри всё разорвалось с таким воем, что задрожали стены. Я сунула лист за пазуху, и он жёг кожу, как клеймо. «Не её». А чья? Кому я нужна такая — с демоном в крови и луной в глазах?

Я пошла на восток, к Нефритовому дворцу. Сорок дней босиком по камням — ноги не чувствовали боли, но душа истекала кровью. Я стискивала зубы и твердила: «Там поймут. Там примут. Должны». У ворот меня встретили драконы — синий и зелёный. Они скрестили шеи и зарычали.

— Прочь, смердящая демоном! — прорычал синий.

— Я бывшая жрица Чанъэ! — крикнула я в отчаянии. — Я убила демона! Дайте мне шанс!

Драконы переглянулись и расхохотались. Но ворота открылись — не от милости, а от презрительного любопытства.

Нефритовый император¹⁸ смотрел на меня, как на грязь под ногтями. Его голос был льдом.

— Ты пришла к бессмертию через кровь. Ты — ошибка. Ты не можешь быть среди богов. Ты не чиста.

— Я хотела силы, чтобы прекратить свою боль! — вырвалось у меня с рыданием. — Я не могла больше быть пустой! Неужели нет мне места, пусть самого низкого? Я согласна мыть полы в небесных конюшнях!

Он лишь махнул рукой. Ветер ударил в грудь, и я вылетела за ворота, рухнув лицом в грязь. Драконы смеялись. А я лежала и думала: «Боги — жестоки. Может, демоны добрее?»

Я пошла вниз. В мир трещин и чёрного дыма, где всё дышит ненавистью. Воздух стал густым от серы, а внутри меня уже жила тьма. Я думала: «Там, внизу, я буду своей». Владыка демонов сидел на троне из черепов, и его красные глаза буравили меня.

— Ещё одна падшая бессмертная? — прохрипел он. — Чем обязаны?

— Вырежи из меня божественность! — взмолилась я, падая на колени. — Оставь только тьму! Я хочу быть как вы — чистой ненавистью!

Он втянул воздух и захохотал так, что затряслась земля.

¹⁸ Нефритовый император (Юйхуан Шанди, #####) — верховное божество в даосском пантеоне, владыка небес и правитель всех богов. В китайской мифологии он часто изображается как справедливый, но строгий судья, который не делает исключений даже для тех, кто страдает. Его отказ Сюанъэ — не жестокость, а следование космическим законам.

— Ты воняешь цветами и молитвами. Ты — полукровка, грязная смесь. Демоны чисты, а ты — отравя. Пошла прочь, пока я не скормил тебя голодным духам!

Меня швырнули сквозь все слои реальности. Я упала в болото к смертным, и внутри всё кричало: «Некуда. Никому. Нигде».

Я стала призраком. Тридцать лет бродила среди людей невидимкой. Они проходили сквозь меня, не замечая. Я видела, как рождаются дети, стареют, умирают — и завидовала каждой слезе, каждой морщине. У них была жизнь. У меня — вечность быть никем.

Я пыталась убить себя. Бросалась со скал, топилась, пронзала сердце ножом. Кости срастались, вода выталкивала лёгкие, раны затягивались с мерзким чмокающим звуком. Я орала в пустоту: «Забери меня! Хоть кто-нибудь!» Пустота молчала.

Однажды, на двадцать пятый год этого ада, я забрела в разрушенный храм забытой богини. Статуя без лица, вся в трещинах. Я рухнула перед ней на колени и завывала — впервые за тридцать лет. Это был не плач, это был крик раненого зверя, выдирающего из себя остатки души.

— Почему меня никто не хочет?! — вопила я. — За что мне это проклятие?!

И статуя ответила ветром в трещинах — тихим, как вздох:

— Потому что ты искала место, которое уже занято. Боги, демоны, люди — у них есть дом. Твой дом — между. Мост. Ты нужна тем, кто потерян. Таким же, как ты.

Я подняла голову. Лиловые глаза горели в темноте, но внутри всё вдруг стихло. Не надежда — покой. Мёртвый, холодный, равнодушный. Я поняла: если меня нигде не хотят, значит, я могу быть везде. Могу слушать тех, кто ничей. Могу быть зеркалом, в котором отражается только чужое, а своё — давно выжжено. Это и есть моя сила — пустота, которая не ждёт, не просит, не плачет.

Я вернулась в храм, зажгла свечи и открыла двери.

— Приходите все, кому некуда идти, — сказала я без гнева и без любви.

И они пришли. И приходят до сих пор.

Сюаньэ замолчала. Свечи догорели до половины. Мо сидел, не смея дышать. А она смотрела сквозь него, и лицо её было безмятежным, как мёртвое море.

— Ты поэтому здесь, — прошептал он. — Не потому, что не можешь уйти. А потому, что кто-то должен остаться.

— Да, — сказала она бесцветно. — Теперь ты знаешь всё. Моё место — между. А твоё? Ты ещё не решил.

Она погасила красную свечу.

— Ступай. Думай. Завтра я буду ждать тебя с ответом.

Мо поднялся, поклонился — низко, в пояс — и вышел в ночь. Нефритовые полумесяцы на поясе Сюаньэ звякнули в последний раз, и звук этот был глух, как разбитое стекло, упавшее в бездонную тьму.

История одиннадцатая, как Царь обезьян научил Сюаньэ управлять своей силой

Храм оракулов встретил Мо тишиной — не гнетущей, а трепетной, как затаённое дыхание перед важным словом. Сюаньэ сидела у алтаря, перебирая сухие корешки, и не подняла головы, но в её позе была нежная покорность судьбе.

— Ты решил, — произнесла она мягко.

Мо сел, прижимая котомку. Слова кололи горло. Он пришёл отказаться, но лиловые глаза, три полумесяца на поясе, усталая складочка губ — всё это просило его остаться, и он не мог вытолкнуть «нет».

— Я... — он запнулся.

— Не можешь, — договорила она с тёплой печалью. — Я понимаю. Тогда послушай историю о том, кто был так же потерян, и о том, кто научил меня не бояться своей силы. — Её голос дрогнул от благодарности к тому, о ком она собиралась говорить.

Она бросила в жаровню кору, и дым взвился прозрачной нитью.

— После того как меня отвергли Небеса и вышвырнули демоны, я скиталась, никому не нужная. И встретила Царя обезьян¹⁹, Сунь Укуна. Того, кого не принимали ни боги, ни демоны, но он стал равен Небу.²⁰ Он научил меня тому, чему не смогли научить ни Чанъэ, ни Линь: как любить свою тьму. — Сюаньэ улыбнулась воспоминанию, и в этой улыбке было больше нежности, чем во всех её словах прежде.

Мо подался вперёд, и она продолжила.

— Это было в год, когда я совсем отчаялась. Я бродила по Кунылуню, и демоническая сила выжигала траву вокруг меня. Я не умела с ней справляться. На закате я сидела на скале, и вдруг услышала шорох. Огромная обезьяна с золотыми глазами жевала персик и смотрела без насмешки — с сочувствием. «Ты та самая полудемоница, которую все прогнали?» — спросил он. Я ответила, а он вдруг превратился в орла, в рыбу, в камень, а потом снова в себя и засмеялся. И в этом смехе было тепло, а не издёвка.

— Сунь Укун сел рядом и протянул мне половинку персика — жест, полный простой доброты. «Я следил за тобой три дня. Твоя божественная и демоническая половины рвут тебя. Я тоже был между. Меня никто не хотел. Я родился из камня. Знаешь, что я сделал? Я создал своё место. И ты создашь». Я вздохнула: «У меня только проклятие». А он ткнул меня пальцем в лоб — не грубо, а почти ласково: «Нет проклятий. Есть сила, которую ты боишься. Хочешь, я научу тебя?»

И я сказала «учи» — с надеждой, которую он зажёл во мне.

Сюаньэ перевела дыхание, и в голосе её зазвучала благодарность.

— Он был жёстким, но каждое его суровое слово дышало заботой. Первое: «Прыгай со скалы. Ты бессмертна, но страх держит тебя. Доверься мне». Я прыгнула — и не разбилась. Приземлилась, а он свесился сверху: «Видишь? Я верил в тебя». И в его голосе было столько тепла, что у меня защипало в глазах. Второе: привязал к дереву и выпустил тигра. «Позволь тьме течь». Я выставила руку, и чёрный шип пронзил зверя. Он кивнул: «Хорошо, но слишком много. Нужно как вода из узкого горлышка — ровно столько, сколько нужно». И он сам, своими большими пальцами, поправил мои руки на кувшине, и это прикосновение было неожиданно нежным. Три дня я училась дозировать, а он терпеливо сидел рядом, подбадривая.

Самое трудное — превращать тьму в свет. Он показал медитацию, которой научился у своего учителя Пути²¹. И я часами дышала, чувствуя, как две половинки танцуют. На седьмой день я открыла глаза, и лиловый стал глубже, спокойнее. Я обрела власть над собой. И тогда Сунь Укун сказал: «Твоя сила — для защиты тех, кто потерян, как ты и я когда-то. Я защищал своих обезьян, потому что любил их. Ты будешь защищать тех, кто придёт к тебе, и это будет твоей любовью». Он запрыгнул мне на плечо маленькой обезьянкой, и я ощутила, как с плеч упала тяжесть. «Запомни, Сюаньэ: никто не даст тебе места. Ты должна взять его сама. А если неоткуда — создать. Создай с любовью». Он исчез, оставив запах персиков и тихий смех. Я осталась одна, но впервые не чувствовала себя брошенной. Я села на камень и улыбнулась, благодаря его всем сердцем.

Сюаньэ замолчала. Свечи догорали. В храме стало очень тихо.

¹⁹ Сунь Укун (###) — Царь обезьян, главный герой классического китайского романа «Путешествие на Запад» (XVI век). Он родился из камня, научился магии, украл персики бессмертия, бросил вызов Нефритовому императору и был приговорён к пятистам годам заточения под горой. Позже он стал спутником монаха Сюаньцзана в его путешествии за священными текстами.

²⁰ «Великий Мудрец, равный Небу» (Ци Тянь Дашэн, ####) — титул, который Сунь Укун взял себе после того, как небеса отказались признать его богом. Этот титул был актом дерзости и неподчинения, который привёл к его войне с небесами.

²¹ Учитель Пути — в романе «Путешествие на Запад» Сунь Укун учится магии и трансформациям у Патриарха Субуду (####), даосского мудреца. Этот персонаж символизирует путь духовного просветления и мастерства. Его появление в этой истории — пасхалка для тех, кто знаком с классическим романом.

— Вот так Царь обезьян научил меня не бояться, — сказала она с нежностью. — Я перестала изгонять из себя тьму или свет. Я приняла и то, и другое с благодарностью. И теперь могу делиться.

Мо поднял глаза, полные решимости.

— Я хотел отказаться, — признался он. — Думал, я слишком слаб. Но теперь... Если ты смогла, если он смог, то и я смогу. Я принимаю твою силу и знания. Я стану твоим учеником.

Он положил на алтарь семейную печать — прошлую жизнь.

Сюаньэ посмотрела на него, и лиловые глаза смягчились, наполнились тихой радостью.

— Ты уверен, Мо? Обратной дороги не будет.

— Уверен, — сказал он, и голос его дрожал от доверия.

Она подошла и кончиком пальца коснулась его лба — жест, полный материнской ласки. Вспыхнул лиловый свет, и вены Мо запульсировали теплом и холодом одновременно.

— Тогда начнём. Путь долгий, но теперь ты не один. — Её голос был мягок, как колыбельная.

— Спасибо, учительница, — прошептал он.

— Не благодари, — она улыбнулась по-настоящему. — Работа только начинается. Завтра до рассвета... прыжок со скалы.

Мо побледнел, но Сюаньэ вдруг рассмеялась тихим, хрипловатым смехом, и в нём было столько нежности, что у Мо перехватило дыхание.

— Шучу. Или нет? — и она подмигнула ему.

Храм оракулов наполнился смехом — впервые за много лет, и этот смех был как благословение.

История двенадцатая, как Сюаньэ приручила первого дракона

Прошла неделя с тех пор, как Мо принял силу и знания Сюаньэ. Его глаза больше не темнели до лилового, но внутри переливались две реки — демоническая мощь и божественный свет, — и Мо чувствовал, как они понемногу притираются друг к другу, словно старые любовники после долгой разлуки.

Этим вечером он сидел в храме оракулов на привычной циновке, уже не странником, ждущим сказок, а учеником, в чьём сердце вызревала тихая преданность. Сюаньэ вошла из тени, неся в руках нефритовую шкатулку, и в её движениях сквозила сдержанная материнская забота — та, что не признаётся вслух, но выдаёт себя бережным касанием к вещи.

— Ты готов к следующему шагу? — спросила она, и под её строгостью Мо угадал тепло, согревавшее его все эти дни.

— Я готов, — ответил он, и внутри всё сжалось от благодарности за то, что она не оставила его.

— Хорошо. Сегодня я расскажу тебе о том, как я получила своего фамильяра²². — Её голос чуть дрогнул, когда она произнесла это слово, но тут же окреп. — Ты видел его однажды краем глаза — тень в углу зала. Он приходит, когда хочет, и уходит, когда хочет. Но он всегда рядом. Его зовут Шэньлун ²³— Духовный дракон. И он древнее, чем все боги, которых ты знаешь.

Мо оглянулся, и в тёмном углу ему почудилось ответное движение. Сюаньэ заметила это и мягко, почти нежно, усмехнулась:

— Не бойся. Он не покажется, пока я не позову. Сначала — сказка. Садись удобнее, мой ученик.

Она начала, и в её низком голосе зазвучали ноты глубокой, выдержанной, как старое вино, благодарности.

— После того как Царь обезьян научил меня управлять своей двойной природой, я вернулась в храм Лунной богини, но уже не как жрица, а как хозяйка. Коричное дерево Линь цвело круглый год, и я чувствовала: она рада за меня, её любовь никуда не делась. Но одиночество стало ещё острее. Сила была при мне, а рядом — ни души, способной разделить молчание. Боги отвернулись, демоны боялись, люди не видели. Даже Чаньэ больше не посылала серебряных листьев. Я была одна в целом мире.

Однажды ночью, когда я сидела у алтаря и пила чай из лепестков корицы, земля под храмом содрогнулась. Трещина прошла от алтаря к порогу, и из неё потянулся чёрный дым — не горький, не пугающий, а древний и торжественный, как дыхание самой вечности. Я не испугалась. Взяла свой лук, натянула тетиву и замерла в ожидании — напряжённая, но с затаённой надеждой.

Из трещины показалась голова. Драконья. Чешуя чёрная, с лиловым отливом, точь-в-точь как мои глаза. Глаза-угли, в которых тлел мудрый, понимающий огонь. Дракон был огромен — его голова заполнила половину зала. Он вылезал медленно, тяжело, будто пробуждался от тысячелетнего сна, и каждое его движение дышало достоинством.

— Кто ты? — спросила я, не опуская лука, но уже чувствуя странное родство с этим существом.

— Я — Шэньлун, — ответил дракон голосом, похожим на далёкий горный обвал. — Я спал под этой горой, когда ещё не было ни богов, ни демонов. Меня разбудила твоя сила. Ты пахнешь и светом, и тьмой. Что ты такое?

— Я то, что не приняли ни там, ни здесь, — ответила я, и в моём голосе прозвучала вся скопившаяся боль.

Дракон усмехнулся, выпустив клуб дыма, и в этой усмешке мне почудилось сострадание.

— Знакомое чувство. Меня тоже никто не принял. Боги боялись моей силы, демоны чурались моего древнего происхождения. Я ушёл в землю и заснул, думая, что никогда не проснусь.

— Зачем ты пришёл? — спросила я, уже опуская лук, потому что сердце моё, изголодавшееся по родству, потянулось к нему.

— Посмотреть на ту, кто нарушила мой сон. И спросить: нужен ли тебе спутник? Я стар и одинок. Ты молода и одинока. Может быть, мы пригодимся друг другу.

Сюаньэ остановилась, прикрыла глаза, словно переживая тот миг заново. Потом продолжила, и голос её стал совсем тихим, почти интимным:

²² Фамильяр — в мире этой книги так называют существо, связанное с шаманом или жрецом магической кровной связью. Фамильяр не слуга, а спутник — он разделяет силу хозяина, защищает его и чувствует его эмоции. В китайской мифологии похожие связи описываются в историях о бессмертных и их животных-спутниках (например, цилини, фениксы или драконы).

²³ Шэньлун (##) — «Духовный дракон» или «Божественный дракон». В китайской мифологии драконы делятся на разные типы: небесные, земные, подземные. Шэньлун — это дракон, связанный с духовным миром, древний и мудрый. Его появление в этой истории символизирует, что Сюаньэ находит не просто союзника, а хранителя, который помнит мир до богов.

— Я подошла к дракону, протянула руку и коснулась его чешуи. Она была холодной, как лунный камень, и гладкой, как шёлк. И в этом касании я впервые за долгое время почувствовала, что не одна — что кто-то древний и могучий готов принять меня такой, какая я есть.

— Что ты умеешь? — спросила я, уже зная ответ в глубине души.

— Я умею летать быстрее ветра. Я помню всё, что было до рождения мира. Я могу сжигать врагов своим дыханием или лечить раны, если нужно. Но главное — я помню, что такое одиночество. И не хочу в него возвращаться. — В его глазах я увидела отражение своей собственной вековой тоски.

Я села на корточки, глядя дракону в глаза, и в моей груди что-то дрогнуло — то ли благодарность, то ли нежность, то ли обещание.

— Если я приму тебя, ты должен слушаться меня. Не потому, что я сильнее, а потому, что я — твой хозяин. Так заведено. — Я сказала это твёрдо, как и подобало хозяйке, но мой голос дрогнул на слове «хозяин».

— Я знаю, — ответил дракон, и в его тоне не было ни тени обиды, лишь спокойное приятие. — Но есть одно условие: ты никогда не заставишь меня убивать невинных. Я не убийца. Я страж.

— Договорились, — выдохнула я.

Я разрешила ладонь ножом, и горячая кровь закапала на лоб дракона. Он лизнул мою руку шершавым, как старая кора, языком, и между нами вспыхнула лиловая искра. Связь установилась²⁴, и я ощутила, как одиночество отступает, сменяясь глухой, но верной преданностью — его ко мне, моей к нему.

С тех пор Шэньлун живёт в стенах храма. Он может становиться маленьким, как ящерица, и прятаться в трещинах, или вырастать до небес, закрывая солнце. Он приходит, когда я зову, и уходит, когда мне нужно побыть одной. Но я всегда знаю: он рядом, мой молчаливый друг, мой страж, моя благодарность судьбе за то, что она послала мне родную душу.

Сюаньэ замолчала, и Мо увидел, как её пальцы нежно погладили нефритовые полумесяцы на поясе — жест, полный тихой ласки, адресованной невидимому дракону.

— Как ты его нашла? — спросил Мо, и его голос прозвучал хрипло от переполнявших его чувств.

— Он нашёл меня, — ответила Сюаньэ, и в её словах была бездонная признательность. — Фамильяры всегда находят тех, кто им нужен. Не наоборот.

— А как мне найти своего?

— Терпение, ученик. — Она чуть улыбнулась, но тут же посерьёзнела, возвращая себе облик строгой наставницы. — Сначала я расскажу тебе, как Шэньлун помог мне в битве с небесным полководцем. Это было через сто лет после нашей встречи...

Мо уже почти не слушал продолжение — он смотрел в тёмный угол зала, где что-то сверкнуло двумя алыми огнями, и в этом свечении ему померещилась не угроза, а приглашение.

— Он здесь, — прошептал Мо.

Сюаньэ обернулась, и её лицо на мгновение осветилось той особенной, почти незаметной нежностью, которую она позволяла себе лишь в присутствии Шэньлуна.

— Шэньлун, покажись, — произнесла она властно, но в этой властности сквозило: «Пожалуйста, ради меня».

Из тени выступила огромная чёрная голова, за ней — длинная шея, покрытая лиловой чешуёй, затем туловище с четырьмя когтистыми лапами. Дракон занял ползала, свернувшись кольцами, и его алые глаза смотрели на Мо с древней мудростью и долей лукавства.

²⁴ Кровная связь — в китайской магической традиции заключение союза через кровь символизирует неразрывную связь между двумя существами. Это не просто «договор», а взаимное проникновение сущностей. Лиловая искра здесь — цвет, связанный с Сюаньэ и её двойственной природой (свет и тьма). Такая связь не может быть разорвана добровольно — только смертью одной из сторон.

— Это тот самый ученик? — пророкотал дракон, переводя взгляд на хозяйку.

— Тот самый, — сказала Сюаньэ, и в её голосе Мо уловил гордость, смешанную с материнской тревогой.

— Он слаб, — заметил дракон.

— Он научится, — ответила Сюаньэ, и в этих словах было столько веры, что у Мо перехватило дыхание. Она не просто констатировала — она обещала дракону, себе и ему, Мо, что не ошиблась в выборе.

Мо поднялся и поклонился дракону — низко, но с достоинством, которое перенял от самой Сюаньэ.

— Меня зовут Мо. Я буду жрецом этого храма, когда Сюаньэ уйдёт в тишину. Обещаю служить ей и тебе верой и правдой.

Дракон долго смотрел на него, потом медленно наклонил голову.

— Хороший поклон. Низкий, но не раболепный. И слова правильные. Может быть, из тебя выйдет толк. — Он зевнул, выпустив облако дыма, и, прежде чем раствориться в тени, чуть коснулся плеча Мо хвостом — жест благословения, почти отцовский.

Сюаньэ хлопнула в ладоши, возвращая внимание Мо, но в её движении уже не было прежней резкости — оно стало мягче, словно она благодарила Шэньлуна за то, что тот принял её ученика.

— Теперь ты знаешь, как я получила Шэньлуна. Но твой путь будет другим. Ты должен найти своего фамильяра сам. Я не скажу тебе, кто это будет — зверь, птица, дух или даже камень, оживший. Но я научу тебя, как призвать его. — Она помолчала и добавила с теплотой, которую обычно прятала: — Я верю, ты справишься.

— Когда начнём? — спросил Мо, чувствуя, как его сердце забилось чаще.

— Прямо сейчас.

Сюаньэ вынула из шкатулки три предмета: сухой лист корицы, обсидиановую стрелу и кусок нефрита с вырезанным иероглифом «Ищу». Она взяла нефрит в ладони, словно он был живым, и протянула Мо.

— Это тебе. — Её пальцы коснулись его руки и чуть задержались, передавая не только амулет, но и частицу своего покровительства. — Носи на поясе. Лист корицы сожжёшь в полнолуние — его дым укажет направление. А стрелу используешь, если твой фамильяр окажется в опасности. И помни: я даю тебе не просто вещи, я даю тебе мою надежду.

Мо принял дары, бережно спрятал их в котомку и поднял на наставницу взгляд, полный благоговения.

— А если я не найду никого?

— Найдёшь. Все находят. — Сюаньэ впервые за вечер улыбнулась открыто, и в этой улыбке смешались жёсткость хозяйки и нежность той, кто прошла этот путь сама. — Вопрос только в том, узнаешь ли ты его. Фамильяры часто приходят в обличье самых обычных существ — старая ворона, хромо́й пёс, полевой мышонок. Ты должен смотреть сердцем, а не глазами. А сердце я тебе уже открыла.

Она подошла к нему, положила руку на плечо — и это прикосновение было крепким, уверенным, но под ним пульсировала затаённая ласка.

— У тебя есть месяц. Потом полнолуние. Сожжёшь лист и пойдёшь на дым. Я останусь в храме и буду ждать. — Она на миг сжала пальцы сильнее и тут же отпустила, возвращая себе бесстрастное выражение. — И не смей не вернуться. Ты нужен мне... храму.

— Вернусь, — сказал Мо, и слово это прозвучало как клятва.

Он взял котомку и направился к выходу. На пороге обернулся:

— Сюаньэ, а у тебя был фамильяр до Шэньлуна?

— Нет. Он был первым. И последним. — В её голосе промелькнула благодарная печаль, и она задула свечи, оставив лишь одну — белую, мерцавшую, как утренняя звезда. — Иди. И помни: драконы не даются тем, кто их ищет. Они даются тем, кто готов их принять.

Мо вышел в ночь. Нефритовый иероглиф «Ишу» висел у него на поясе, отражая свет далёкой луны. А в храме, оставшись одна, Сюаньэ тихо прошептала в темноту, где угадывались очертания дракона:

— Спасибо тебе. За всё.

Из угла донеслось едва слышное урчание — довольное, почти кошачье, — и красные огни моргнули в ответ.

История тринадцатая, как Шэньлун сразился с небесным полководцем

Луна только начинала подниматься над коричневыми деревьями, когда Мо вошёл в храм. За его плечами висела котомка, на поясе — нефритовый иероглиф «Ишу». Он был собран и молчалив. Сюаньэ сидела у алтаря, перебирая сухие листья.

— Завтра полнолуние, — сказал он.

— Знаю, — ответила Сюаньэ. — Ты сожжёшь лист корицы и пойдёшь на дым.

— Я боюсь, — признался Мо. — Не за себя. За то, что не найду никого.

— Тогда слушай, — Сюаньэ отложила листья. — Я расскажу тебе, как однажды чуть не потеряла Шэньлуна. Это была битва с небесным полководцем — тем, кто считал, что древние драконы не должны служить падшей богине. Может быть, эта история поможет тебе понять, что фамильяр — не слуга, а друг. И иногда он спасает тебя сильнее, чем ты его.

Мо сел на циновку, положил котомку на колени.

— Я слушаю.

Это случилось через сто лет после того, как Шэньлун стал фамильяром. Храм Лунной богини давно уже не был местом поклонения Чаньэ — теперь это была обитель отверженных, тех, кого не приняли ни боги, ни демоны. Я принимала всех, а Шэньлун лежал у входа, свернувшись кольцами, и грелся в лунном свете.

Однажды утром небо почернело. Не от туч — от сотен небесных воинов²⁵, которые спустились на облаках. Впереди летел полководец — огромный мужчина в золотых доспехах, с мечом, который сверкал как молния.

— Сюаньэ! — прогремел его голос над храмом. — Нефритовый император приказал тебе явиться на суд. Ты укрываешь беглых духов и отказываешься подчиняться небесным законам.

Я вышла на порог. Шэньлун поднял голову и зарычал.

— Я никому не подчиняюсь, — сказала я. — Это мой храм. Здесь мои законы.

— Твои законы — это хаос, — ответил полководец. — Последний раз спрашиваю: сдашься ли ты?

— Нет.

Полководец взмахнул мечом. Сотни воинов ринулись вниз. Я выстрелила из лука — стрела пронзила троих, но остальные напали.

Тогда Шэньлун взревел. Он вырос до небес, закрыл солнце своим телом и дышал огнём. Половина воинов сгорела, остальные отступили.

Но полководец не отступил. Он выхватил небесную печать²⁶ — артефакт, который мог сковать любого дракона. Он бросил печать в Шэньлуна, и та приросла к его лбу. Дракон замер, не в силах пошевелиться.

— Теперь он мой, — усмехнулся полководец. — А ты, Сюаньэ, умрёшь.

Он поднял меч. Я не успела уклониться — клинок вошёл в плечо. Я упала на колени, но не закричала.

— Шэньлун, — прошептала я. — Ты обещал слушаться меня. Сейчас я приказываю: проснись.

Дракон не мог двигаться, но он слышал. Внутри него что-то щёлкнуло — связь с хозяйкой, та самая лиловая искра, вспыхнула с новой силой. Шэньлун собрал всю свою волю, всю древнюю ярость и рванулся. Небесная печать треснула, рассыпалась на осколки. Дракон взлетел, схватил полководца за плечи и разорвал его пополам.

Оставшиеся воины бежали.

Я лежала на земле, истекая кровью. Шэньлун лизнул мою рану, и та затянулась.

— Никогда больше не приказывай мне просыпаться, — проворчал дракон. — Я и так не спал.

Я засмеялась, сквозь слёзы.

— Прости. Ты спас меня.

— Ты спасла меня сначала. Мы в расчёте.

С тех пор никто из небесных воинов не приближался к храму.

Сюаньэ замолчала. Мо сидел, не двигаясь.

— Ты понял? — спросила она.

— Фамильяр — это не оружие, — тихо сказал Мо. — Это часть тебя. И вы спасаете друг друга, даже когда всё против.

²⁵ Небесные воины — в китайской мифологии это армия богов, которая подчиняется Нефритовому императору и выполняет его волю. Они часто изображаются в доспехах, с оружием, на облаках. Их появление означает, что небеса приняли официальное решение о наказании Сюаньэ. Это не просто «местные стражи», а посланцы высшей власти.

²⁶ Небесная печать — в китайской мифологии печати часто используются как инструменты божественной власти. Они могут сковать, запечатать или подавить силу любого существа. Печать, которую использует полководец, специально создана против драконов — это показывает, что небеса заранее готовились к битве с Шэньлуном. Тот факт, что он смог её разорвать, говорит о силе их связи с Сюаньэ.

— Именно.

Она встала, подошла к Мо и положила ему на плечо руку.

— Завтра ты отправишься на поиски. Я не знаю, кого ты найдёшь. Но знаю одно: когда вы встретитесь, ты узнаешь его. Не умом — сердцем.

Мо кивнул, поднялся и поклонился.

— Я готов.

Он вышел из храма. Луна висела высоко, почти полная. На поясе у Мо висел нефритовый иероглиф «Ищу» и сухой лист корицы. Он сжал его в кулаке и пошёл вниз по тропе, туда, где начинался лес.

Сюаньэ смотрела ему вслед, пока он не скрылся в темноте.

— Возвращайся, — прошептала она.

Шэньлун высунул голову из тени.

— Он вернётся, — сказал дракон. — Я чую его судьбу. Она не оборвётся так просто.

— Откуда ты знаешь?

— Я древний. Я видел тысячи таких, как он. Те, кто боятся, но идут — всегда возвращаются. Не с пустыми руками.

Дракон снова скрылся в тени. Сюаньэ зажгла три свечи — белую, чёрную и красную — и села ждать.

История четырнадцатая, как Мо встретил лису-оборотня

Мо пробирался сквозь лесную чащу третий день. Нефритовый иероглиф «Ищу» на поясе то разгорался, то угасал, точно маяк в тумане, а дым от сожжённого листа корицы давно растаял, указав лишь путь — на восток, к горам, где, по слухам, гнездились демоны. Мо не боялся — сила Сюаньэ, текущая в жилах, обостряла зрение и чутьё на опасность. Но внутри грызло сомнение: что если фамильяры избирают лишь избранных? А он — беглый сын знатного рода, осквернённый кровью матери, так

и не отмщённой. Достоин ли он древнего союза?

Ночь пала, тяжёлая и глухая. Мо развёл костёр, достал сушёную рыбу, но тишина вдруг раскололась криком — тонким, звериным, полным боли и ярости. Звук рвался из оврага за холмом. Мо схватил лук с обсидиановой стрелой²⁷ и бросился во тьму.

В чёрном провале оврага, подсвеченном лишь гнилушками, он разглядел две фигуры. Огромный, точно горный обвал, демон с кожей запёкшейся крови и рогами, загнутыми серпом, топтал землю. Перед ним, вжавшись в скалу, стояла лиса. Не простая — три хвоста серебрились в темноте, истекая золотой кровью из рваной раны на боку, и янтарные глаза пылали гневом, смешанным с предсмертным ужасом. Демон занёс когтистую лапу для последнего удара.

Мо не колебался. Тетива запела, и обсидиановая стрела вонзилась в плечо чудовища. Демон взревел, обернул к нему плоскую морду с тремя ненавидящими очами.

— Смертный, не лезь! — прохрипел он.

— Это моё дело, — бросил Мо, выхватывая вторую стрелу.

Демон рванул вперёд быстрее, чем Мо ожидал. Когти просвистели у виска. Но лиса вдруг прыгнула на спину врага и вцепилась зубами в загривок. Демон заорал, стараясь сбросить её, а Мо натянул лук и всадил стрелу в глаз чудовищу. Тяжёлая туша осела и рассыпалась чёрным пеплом.

Лиса рухнула наземь, дыша надрывно. Три хвоста безжизненно обвисли, золотая кровь пятнала траву. Мо шагнул ближе, протянул руку.

— Я не причиню вреда. Ты ранена, позволь помочь.

Лиса подняла голову, и её тело поплыло, меняя очертания. Шерсть втянулась, хвосты исчезли, и перед Мо предстала девушка лет шестнадцати с длинными серебристыми волосами и всё теми же янтарными глазами, горящими недоверием. Белая рубаша её была разодрана, обнажая глубокую рану.

— Зачем ты спас меня? — спросила она, и голос её звучал как стылая вода. — Тоже хочешь мою печень? Или, может, силу трёххвостой? Все смертные одинаковы.

Мо отшатнулся, но руки не убрал.

— Я не знаю, кто ты и зачем тебя хотели убить. Я просто услышал крик.

— Ложь! — вдруг выкрикнула она, отползая к скале. — Ты увидел демона, понял, что перед тобой оборотень, и решил прибрать к рукам! Как все! Все вы ищете силу лисиц, чтобы продлить жизнь или привязать нас рабами! Думаешь, раз я изгнана, то пойду в услужение?

Мо присел на корточки, разрывая свой рукав на бинт.

— Меня зовут Мо. Я ученик Сюаньэ, хранительницы храма Оракулов. Она сама — ни бог, ни демон, и я принял её дар не ради власти. — Он помолчал, глядя в янтарные глаза, полные страха и злости. — Хочешь знать, почему я искал фамильяра? Не для того, чтобы владеть. Я бежал из дома, когда мой отец, знатный господин, велел молчать. Мою мать убили у меня на глазах — просто потому, что она заступилась за слуг. Отец сказал: «Такова цена порядка». Я не мог остаться. Я ушёл, бросив имя, богатство, всё. Мне нужен был не слуга, а друг. Существо, которое не предаст. Которое не попросит меня забыть её кровь на моих руках.

Голос Мо дрогнул, но он продолжил перевязывать рану девушки, и пальцы его действовали бережно, почти нежно.

— Если ты думаешь, что я спасал тебя ради выгоды, — уходи. Я не держу. Но клянусь тенью Сюаньэ: я не ищу твоей силы. Я ищу ту, кто просто будет рядом.

Лисица замерла. Её янтарные глаза вглядывались в его лицо, читая каждую чёрточку. Потом она выдохнула, и гнев ушёл, оставив лишь усталость.

²⁷ Обсидиановая стрела — в этой книге обсидиан (вулканическое стекло) используется как материал для магических предметов. Сюаньэ даёт Мо эту стрелу для защиты фамильяра, потому что обсидиан способен ранить даже тех существ, которых не берёт обычное оружие. В некоторых культурах обсидиан считался защитой от злых духов.

— Меня зовут Хули²⁸. Я из клана девятихвостых, но я отказалась убивать человека по приказу старейшин. Меня изгнали, и теперь каждый демон охотится за моей печенью. Твоя история... Она похожа на правду. — Она коснулась его руки, и в прикосновении этом была осторожная благодарность. — Прости, что подумала дурно.

Мо чуть улыбнулся.

— Ты права была остерегаться. Мир жесток к таким, как мы.

— Ты ищешь фамильяра? — тихо спросила она, кивая на нефритовый иероглиф. — Я чую, твоя сила пахнет луной и кровью. Как у той, кто живёт в храме.

²⁸ Хули (##) — в переводе с китайского означает «лиса». В китайской мифологии лисы-оборотни (хулицзин) — это существа, которые могут принимать человеческий облик и обладают магической силой. Количество хвостов показывает их возраст и силу: трёххвостая лиса — молодая, девятихвостая — легендарная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.